

**ВАЛЕРИЙ
ПАВЛИКОВ**

СТРОШУЖЕ

Стоя у капота служебного УАЗика, Зубровский ждал. Он поставил машину поперек дороги в том месте, где она выходила на гребень плотины, и облокотился на открытую дверцу, держа в руках автомат. От огня, бушевавшего в центре поселка, приближались огоньки двух фар. Это она! Зубровский видел происходящее будто с двух сторон сразу — ее глазами и своими.

Издаലെка послышался натужный рев мотора. Вскоре фары стали бить прямо в лицо. Он прищурился, разглядывая водителя. Прошло более суток с тех пор, как он видел подрывницу, но трудно было не узнать ее гордо и высоко посаженную голову, тонкую шею, коротко подстриженные волосы. Фары ослепили его, и он выстрелил сначала в одну, и тут же в другую.

Зубровский

Валерий Павлович Павликов

Зубровский

Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24124184
Зубровский – Валерий Павлович Павликов: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8720-4

Аннотация

Чеченские террористы во главе с «эmissаром» Ахмедом Закаевым строят планы по срыву Олимпиады-2014. Для этого они направляют в Сочи террористку-смертницу, которая должна взорвать плотину гидроэлектростанции на бурной горной реке. Их не останавливает то обстоятельство, что в селевых потоках погибли многие тысячи ни в чем не повинных людей. Но на пути террористов встает майор спецназа Зубровский, человек, до конца верный своему долгу и настоящий патриот России!..

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	21
5	26
6	33
7	42
8	49
9	57
10	67
11	74
12	81
13	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Валерий Павлович Павликов Зубровский

© Павликов В.П., 2011

© ООО «Издательство „Вече“», 2011

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2017

И сказано в их писании:

«Это от Аллаха, а это – не от Аллаха»,

и говорят они на Аллаха ложь, зная это.

Коран, Сура 3

Как всегда, к вечеру с Черноморского лимана повеяло свежестью, и старушка, прежде чем выйти на балкон, накинула на плечи теплую шерстяную кофту.

– Что, значит – не заметил желтый? – донесся до нее грубый голос с мостовой. – Не морочьте мне голову!

Женщина свесилась через перила. Внизу под балконом стоял уазик с синей мигалкой на крыше, а чуть в стороне – красные «жигули» седьмой модели.

Старуха тяжело опустилась на стул. Как всегда, ничего интересного. Никто не ссорится, не дерется, в окнах напротив за полуприкрытыми занавесками никто даже не целуется... Только что и развлечений – гаишники остановили какую-то развалюху. Естественно, дорогие иномарки они не останавливают.

Да, любят они тормозить развалюхи! Какая-нибудь потрепанная «Лада» или облезлая «Нива», черепахой ползущая в разноцветном транспортном потоке, притягивает их взоры как магнит. Едва завидев ее, они начинают радостно крутить жезлом, как пропеллер самолета, затем подходят вразвалочку и, затребовав права, несколько минут придирчиво изучают документы, словно перед ними не заурядный инженеришка с дышащего на ладан завода, а какой-нибудь давно разыскиваемый по всей стране угонщик. А потом с издевоч-

кой: «Нарушаете...»

А что здесь нарушать? Женщина знала, что в этом тихом, удаленном от моря районе нарушать нечего. Хотя сама она никогда в жизни не сидела за рулем, однако в популярных сериалах «Улицы разбитых фонарей», «Дальнобойщики» и «Менты» видела много сценок в духе той, что разыгрывалась сейчас внизу. Когда штраф в тысячу рублей считается целой трагедией и, чтобы избежать его, водитель готов идти на любые унижения и увертки, требующие от него крайнего напряжения всех умственных и физических сил.

Женщина свесилась с балкона, ожидая развязки.

Гаишники под балконом – их было двое, молоденький лейтенант и капитан постарше – остановили еще одну машину. На этот раз грубому голосу ответил голос тоном ниже с заискивающими нотками.

Когда машина, проехавшая на желтый, уезжала – женщина так и не поняла, удалось ли гаишникам выжать из водителя мзду, – на дороге показался мотороллер, или, как сейчас их стали называть, скутер.

– Тормозни-ка, – приказал капитан лейтенанту.

Вылетевший с Болховской скутер тотчас же вильнул влево и сбавил ход. Это была старая модель: мотороллер грохотал – наверно, что-то с глушителем. Лейтенант, сделав шаг вперед, поднял палку. На какое-то время показалось, что водитель не собирается подчиняться. Правда, затормозить ему все равно бы пришлось – проезжую часть напротив дома по

просьбе жильцов перегородили сразу тремя «лежачими полицейскими», и, если их не заметишь, будешь скакать, как по стиральной доске. Впрочем, старушке, возможно, лишь показалось. Она подождала, пока мотороллер остановится. За рулем сидел почти мальчишка, русые волосы выбивались из-под шлема.

– Заглуши мотор, – приказал постовой.

Капитан пожелал счастливого пути владельцу задержанной ранее «ауди» и, повернувшись к удалявшейся машине спиной, направился в сторону мотороллера. Это был здоровенный красноносый гаишник, наверно, работающий в автоинспекции еще с советских времен. При первом же взгляде на него становилось ясно – от такого не уйдешь. Тем более, без подмазки. Но сегодня, казалось, у него было неплохое настроение.

– Ну что? – спросил он, взяв у лейтенанта водительские права, потом более пристально взглянул на парня. – Никак это Весельчак?

– Мы разве знакомы? – пробурчал парень.

– А в колонии для несовершеннолетних?

Водителя это не развеселило, и он только буркнул:

– Смеяться можно?

– На редкость смысленый парень, – пояснил капитан лейтенанту, не глядя на задержанного. – Прошлый раз даже не соизволил притормозить.

Тот, кого называли Весельчаком, со скучающим видом си-

дел на мотороллере. Однако капитан, видимо, не собирался проверять его самого или его скутер на выхлопы. Он, словно забыв о нем, да и о других машинах тоже, стал с жаром рассказывать коллеге какой-то новый анекдот.

Пока лейтенант смеялся над анекдотом, с лица парня постепенно сходило напряженное выражение. Атмосфера воцарилась чуть ли не дружеская. Именно такую требует Рашид Нургалиев от своих подчиненных при работе с гражданами. В сторону центра на дикой скорости пронеслась иномарка, но никто даже не взглянул на нее.

– Так, значит, это ты в тот раз не остановился? Видать, сильно торопился? Ты, может, и сейчас спешишь?

– Вот именно.

– На свадьбу, что ли?

Лейтенант снова рассмеялся, и на лице Весельчака появилось настороженное выражение. Он молча смотрел прямо перед собой.

Капитан преувеличенно громко вздохнул и наконец протянул документы назад таким небрежным жестом, что талон упал на землю. Терпеливо подождав, пока парень его поднимет, мент откашлялся, и, как профессор первокурснику, объяснил, что тот неправильно перестроился перед перекрестком. Откровенное наслаждение властью читалось на его лице.

– А это как минимум тысяча, – объявил он затем, как бы нехотя переводя взгляд на багажник. – Что там у тебя?

Цветастый полиэтиленовый пакет с фирменным логотипом известной в городе булочной был завязан двойным узлом. Гаишник с любопытством потрогал его, потом посмотрел на Весельчака.

– Похоже на эти, как их...

– Вибраторы, – подсказал Весельчак.

При этих словах лицо старой девы на балконе залилось краской – она слышала про эти мерзкие штучки для развратных девиц.

– На что тебе они?

– А вам нужно? Могу парочку одолжить...

– Ну что я говорил? – воскликнул капитан. – Нет, парень, оставь их себе...

Однако пальцы его уже ловко развязывали двойной узел.

– Не имеете права, – Весельчак напряженно следил за его руками.

Мгновение спустя пакет был развязан, и капитан, слегка отстранив лейтенанта, при свете фонаря заглянул внутрь. Когда он поднял голову, улыбка сбежала с его лица.

– Что это?

– Как что? Я же сказал – вибраторы! – ответил Весельчак.

Он едва успел зажмуриться и вобрать голову в плечи. Правая рука капитана взметнулась вверх, угодив парню в щеку. По пустой площади разнесся звук звонкого шлепка и отошел эхом, отскочив от фасада домов.

2

– Олимпиаду надо сорвать! – громко произнес Закаев, как только вылез из джипа. – Если Аллах не накажет Россию, это сделаем мы!

Гражданский инженер Макс Фриш посмотрел на рыжего бородача в модном черном костюме с оранжевым, под цвет бороды, галстуком, и содрогнулся. Вот так влип! Конечно, полмиллиона, которые пообещали ему за работу, – хорошие деньги, но такое...

– Вы шутите?

Закаев нахмурил кустистые рыжие брови.

– Разве я похож на шутника? Спросите Путина, спросите Медведева – шучу ли я? Да и вам, кажется, следовало бы знать меня получше...

– Да-да, конечно, – поспешил согласиться инженер: нельзя раньше времени выдавать свое раздражение. – Но Олимпиада?!

– Сейчас Сочи – сердце России, – повысил голос Закаев. – Мы должны поразить гадину в самое сердце...

– Ну и дела-а! – торопливо забормотал инженер, незаметно вытирая пот со лба.

Н-да, не надо было соглашаться... Но теперь поздно отказываться: назвался груздем...

Он уже давно понял, что его приезд сюда, в Лондон, в

штаб-квартиру так называемого «Правительства Ичкерии в изгнании» не сулит ничего хорошего, и теперь, когда Закаев решительным шагом направлялся к двери своего фешенебельного особняка на Лоунинг-стрит, тащился сзади почти больной от страха. Сорвать Олимпиаду? Что за безумство!

Он видел, как два охранника Закаева многозначительно переглянулись, обменявшись ухмылками.

Пройдя по обсаженной кустами гравийной дорожке к двухэтажному кирпичному дому, на двери которого висела металлическая табличка с надписью золочеными буквами «Правительство Ичкерии. Генеральный эmissар», Макс оглянулся. Шум на запруженной автомашинами улице стоял оглушительный, но сердце инженера, казалось, стучит еще громче...

* * *

Пенсионерка с третьего этажа тихо охнула, когда мотороллер с грохотом упал на мостовую. Напрягая зрение, она перегнулась с балкона, пытаясь понять, что происходит. Какая дикость! За что они ударили парня? Сначала так долго болтали, все было мирно, а потом – нате вам. Она увидела, что парень даже не пытается подняться. В окружении двух темных фигур он, казалось, плакал, скорчившись на мостовой.

– Вставай, стервец! – заорал толстый.

Да, это был настоящий гаишник старой советской закал-

ки, и голос у него был соответствующий – хриплый и грубый. Ужасный голос, как и вся эта ужасная сцена. Вот тебе и демократия. Два десятилетия боролись, а как били, так и бьют...

Поежившись от вечернего холодка, старушка вошла в комнату и закрыла балконную дверь. На кухне было уютно и тепло, работал телевизор с очередной мыльной серией. Продолжая размышлять об увиденном, она налила себе стакан теплого молока. Потом прошла в спальню и поставила стакан на старинный письменный столик. Но раздражение от увиденного не проходило. Что они нашли у парня? Наркотики? Так что же – сразу распускать руки? Что поделаешь с нынешней молодежью... Такое уж современное поколение – кто не колетса, тот нюхает. И это ведь не без помощи нашей доблестной милиции оно выросло таким.

Всегда, когда ей становилось не по себе, она начинала медленно массировать виски, пока неприятное ощущение не проходило. Но на сей раз и это не подействовало. Тогда, одним глотком допив молоко, она резким движением сняла со стоявшего на письменном столике старенького телефона трубку и дрожащими старческими пальцами набрала на диске 02.

– Алло! Милиция! – визгливо закричала она в трубку, когда ей ответили. – Что у вас творится, я хочу знать? Да, и заявить тоже... Об избиении... Прямо под окнами... Ваши же сотрудники... Бандиты какие-то, а не сотрудники... Кто

грубит, я?... Да как вы смеее? Я заслуженная учительница
и не позволю... Хорошо, хорошо... Записывайте адрес...

Начальник Северокавказского отдела ГРУ полковник Сергей Сергеевич Бугров вполне оправдывал свою фамилию. Человек-гора, как прозвали его сотрудники, со снежной вершиной из седых волос и тремя подбородками, свисающими на грудь, сидел в своем кресле с высокой спинкой и читал какую-то бумагу, отодвинув ее как можно дальше от глаз. Он старался не носить очки, чтобы никто не разглядел в этом факте свидетельство приближающейся старости и всегда требовал от своих сотрудников не столько безусловного подчинения, сколько всеобъемлющей компетенции, граничащей с полной энциклопедичностью. Однако, несмотря на это, все признавали, что работать с ним легко. Он был требовательным, но заботливым шефом, особенно по отношению к тем, кого уважал. Майор Андрей Зубровский относился именно к таким.

Огромный полированный стол полковника из красного дерева был завален пластиковыми папками с блестящими металлическими замками и надписями «Совершенно секретно». Одну из таких папок под заголовком «Личное дело Зубровского А.П.» полковник держал перед собой, раскрыв на первой странице с записью: «ФИО, звание, должность – Зубровский Андрей Павлович, майор (пр. МО РФ № 26/056-к от 14.12.10), ведущий сотрудник группы „Антитеррор“ 7-

го управления ГРУ МО РФ.

Образование – высшее военное, в 1999 г. окончил Московское общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РФ, в 2004 г. – Академию внешней разведки 1-го Управления ФСБ РФ по специализации: прогнозирование рисков в управлении сложными системами.

Предыдущее место службы – 2002–2005 гг. – Россетская погранзастава Забайкальского военного округа, 2005–2007 гг. – группа „Альфа“ ФСБ РФ, 2007–2009 гг. – спецназ ГРУ МО РФ.

Награды и поощрения: 2006 г. – медаль „За отвагу“ за выполнение спецзадания в Беслане, 2009 г. – Благодарность Президента РФ за проведение совместной российско-американской боевой операции в Афганистане.

Служебные взыскания: 2007 г. – выговор за недисциплинированность личного состава при проведении учений „Восток“.

Физика: 180/80, 120/70, 63/мин, мастер спорта по современному пятиборью, черный пояс каратэ; интеллект: КИ – 98, IQ – 99, английский, украинский.

Навыки: компьютер на уровне уверенного пользователя, радиодело, стенография, шифросвязь, любая самоходная техника.

Личные склонности: алкоголь до 100 г ежедневно; (справочно – при употреблении свыше 500 г – повышенная агрессивность при полном контроле сознания).

Хронические заболевания: печень.

Темперамент: холерико-сангвиник, шизоидный тип.

Характер: энергичный, открытый, временами взрывной.

Допуск к секретным документам: 0 степени.

Общие рекомендации: к работе в коллективе не годен, использовать индивидуально».

Вот эта последняя фраза и удерживала полковника от принятия очень важного решения.

«Надо же... – думал он. – Работяга, мустанг, отличный мужик, а вот в плане коллективизма подкачал. Что же теперь делать? Может, послать Заморина? Нет, тот хоть и отличный служака, но ведь для такого дела надо еще и мозги иметь. Там нужен тот, кто потянет огромный воз аналитической работы, в результате которой горы фактов превратятся в золотые слитки выводов. Придется для начала переговорить с майором», – решил наконец он, потянувшись рукой к кнопке вызова секретарши.

– Лариса Петровна, – сказал он в микрофон, когда на пульте зажглась красная лампочка. – Пригласите ко мне Зубовского.

* * *

– Видал когда-нибудь такое? – обратился капитан к своему подчиненному, указывая на пакет. Лейтенант с интересом склонился над находкой, которую ему передал началь-

ник. Тот в этот момент помогал Весельчаку подняться. Парень покраснел и шмыгал носом, в нем не осталось ничего от прежнего самоуверенного Весельчака.

– Порошок какой-то, – неуверенно сказал лейтенант.

Не выпуская из руки локтя парня, капитан подошел поближе. Какое-то время они молча рассматривали содержимое пакета.

– Наркотик? – спросил лейтенант.

– Какое! – разозлился капитан. – Сынок, ты что, никогда взрывчатку не видел? Это же тротил!

При этих словах парень резко выдернул локоть из руки капитана и рванулся в сторону бокового переулка. Мгновенно лейтенант бросился за ним вдогонку. Сорвав на ходу с головы милицейскую фуражку, он ловко метнул ее точно под ноги убежавшего. Споткнувшись о неожиданное препятствие, парень полетел на землю, и не прошло и минуты с момента начала этого неосмотрительного броска, как его скрутили, одели в браслеты и подвели к ухмыляющемуся капитану, который все это время неподвижно стоял возле своего уазика, спокойно постукивая жезлом по ладони.

– Ты опять за свое? – отечески пожурил он парня. – В машину...

Лейтенант с готовностью открыл дверцу уазика и стал запихивать упирающегося Весельчака внутрь.

– Давай, давай! – подбадривал он парня. – Довезем за казенный счет...

– А скутер? – запоздало встревожился тот, когда очутился на заднем сиденье.

Он, видимо, все еще не осознавал до конца серьезности произошедшего.

– О нем не беспокойся, – весело сказал капитан. Его крупная фигура грузно плюхнулась рядом, – Он тебе теперь долго не понадобится.

* * *

Пройдя длинным светлым коридором, в который выходило множество дверей с кодовыми замками, майор Зубровский остановился возле двери с надписью «Заместитель командира по аналитической работе полковник С.С. Бугров» и, взявшись за ручку, потянул ее на себя.

Высокий, жилистый, с энергичным подбородком и спокойным взглядом стальных серых глаз, он был в гражданском – темных парусиновых брюках и светло-голубой рубашке с короткими рукавами. Единственным его украшением были массивные серебряные часы «Командирские» на толстом золотом браслете. Майор не придавал особого значения своему внешнему виду. Главным для него всегда была работа. Товарищи считали, что он слишком часто погружается в себя, и тогда его лицо становилось каким-то застывшим, глаза устремлялись в одну точку, а движения и жесты замедлялись, словно он внутри себя включал кнопку автопилота.

Все знали, что в такие моменты его мозг работает над решением какой-то важной проблемы и ему лучше не мешать. Среди тех немногих, в ком он нуждался, были в основном его коллеги по работе. Вместе с ними он изоощрялся в решении сложнейших интеллектуальных задач, которые ставило перед ним руководство группы «Антитеррор».

– Здравствуйте, товарищ майор, – молоденькая секретарша с погонами лейтенанта с любопытством посмотрела на него.

– Здравствуйте, Лариса Петровна, – Андрей успел прочесть имя-отчество новенькой на бланке, стоящем у нее на столе, отметив пышную прическу и высокую грудь – у полковника был неплохой вкус.

– Вы отлично загорели, – сказала она. – Хоста, Мацеста?

– Цхинвал...

– Как романтично, – восхитилась Лариса. – Горы, море... жду не дождусь отпуска! – Этот высокий крепкий мужчина с суровым лицом и широкими плечами ее взволновал.

– Отпуск? – переспросил Андрей. Не объяснять же секретарше, пусть и с допуском первой степени, чем он занимался в Осетии и что там нет моря. – А что это такое?

Бросив на него взгляд, который ясно говорил, что она была бы не прочь поговорить с ним о предстоящем отпуске более подробно и в более подходящей обстановке, девушка хотела что-то сказать еще, но в этот момент зажглась зеленая лампочка на ее столе.

– Проходите. Полковник ждет вас.

– Спасибо, Лариса Петровна.

Собственно, благодарить секретаршу было не за что – вызов к начальству не сулил ничего доброго, но правилами хорошего тона майор Зубровский старался никогда не пренебрегать, хотя это порой ему давалось с большим трудом.

Замок щелкнул, и Андрей вошел в кабинет.

После загазованной уличной атмосферы в оборудованном кондиционером офисе было прохладно и свежо. Начищенный до блеска пол сиял так, что в него можно было смотреться, как в зеркало. На задней стене над креслом хозяина кабинета висел большой портрет маслом Джохара Дудаева. Зеленое знамя с изображением волка – государственным символом Ичкерии – застыло в правом углу. Некоторым контрастом этому официозу выглядел большой рыжий кот, расположившийся на одном из текинских ковров, брошенных на диван. Кот лениво поднял глаза, когда инженер сел рядом. Взглянув на него безучастным взглядом, кот вновь закрыл глаза, уткнувшись мордой в лапы.

– Напомню вам, – эмиссар повернулся к Максу, – что вы дали согласие на полное и безоговорочное сотрудничество. Так?

Инженер вздрогнул.

– Я хотел бы предварительно знать, в чем конкретно будет заключаться мое участие.

Закаев секунду испытующе глядел на него.

– Итак, вы не готовы полностью сотрудничать, если не узнаете подробности? Я правильно понял?

Была ли в его голосе угроза? Инженер вспомнил об оставшейся в Гамбурге семье, и ему вновь стало неудобно. По-

лучить полмиллиона прекрасно, но он нутром чувствовал смертельную опасность. Несмотря на отчаянное желание сорвать куш, он не собирался слепо кидаться в это дело, похоже, чреватое роковыми последствиями.

– Нет, – сказал он твердо, – не готов, пока не буду точно знать, что мне предстоит делать.

Эмиссар, нахмурившись, потер лоб и пожал плечами.

– Хорошо, господин Фриш. Я полагал, что такие деньги достаточны, чтобы сделать любую работу.

– Значит, вы ошиблись. Что конкретно от меня требуется?

Закаев окинул его внимательным взглядом.

– Разве не понятно? Я ведь, кажется, ясно выразился – сорвать Олимпиаду, – спокойно произнес он. – А это значит – взорвать столицу Олимпиады!

Наступило молчание. Инженер заерзал на диване, переводя растерянный взгляд с эмиссара на кота.

– Вы с ума сошли, – наконец нарушил он тишину. – За такое дело я не берусь... это безумие... Как можно взорвать целый город? Ну, один-два взрыва, допустим, можно осуществить, но после этого они будут на чеку, и повторить что-либо подобное станет невозможно. Для больших объемов разрушений требуются тонны взрывчатки. Я, конечно, не отказываюсь и готов дать свои рекомендации по количеству и местам установки зарядов, но на этом, полагаю, мое участие должно закончиться.

Он понимал, что теперь, когда он узнал о настоящей це-

ли его приглашения сюда, при любой попытке отказаться его уберут. Недаром возле входа застыли два мордатых охранника. Но что еще страшнее, – при мысли об этом инженер содрогнулся, – такая же угроза реальна для жены и сына. И тем не менее он не собирался сдаваться. Может, этот чертов чеченец только блефует? Абсурдна сама идея! Он же должен осознавать всю ее нелепость. Надо попытаться разубедить его.

– Одно дело доставить в город несколько килограммов, чтобы произвести демонстрационный взрыв, скажем, где-нибудь на автобусной остановке, – продолжил инженер, стараясь говорить спокойным голосом, – но для того, чтобы взорвать там хоть одно здание, пусть самое маленькое, нужны сотни килограммов. Сейчас Сочи фактически на военном положении. Вряд ли кому удастся провезти в город достаточно взрывчатки, чтобы взорвать что-то более крупное, чем дворовую беседку. Вы, кажется, уже пробовали однажды сделать что-то подобное, и что из этого получилось? Ваших людей взяли на следующий же день. А теперь меры безопасности усилены...

Закаев пристально посмотрел на него.

– Просто так не пронесешь, – согласился он. – Но ведь это ж наши горы!

Макс нервно рассмеялся, начиная злиться. Этот роскошный кабинет с претензиями на цивилидность, в котором ведутся такие юридически небезопасные и технически мало-

грамотные разговоры, выводили его из себя. Он не привык решать дела в таких условиях. Но тут новая мысль пришла ему в голову: «Горы?»

– Пойдите-ка, – воскликнул он, – уж не о «стингерах» ли вы говорите?

Эмиссар усмехнулся.

– А что, собственно, вас удивляет?

– Где вы их возьмете, «стингеры»? – взвился инженер. Щеки его горели. – Кто вам их даст? После 11 сентября американцы перестали сорить подобным оружием и запретили это делать другим. Или вы имеете в виду те самоделки, которые используются в Палестине? Тогда учтите, что за все время обстрела территории Израиля там не разрушено ни одного мало-мальски приличного объекта. А в Сочи ракеты сбывают еще на подлете! Город окружен самой современной системой противоракетной обороны, включая С-400. А если пара ракет все-таки и прорвется, то что они смогут сделать с машиной из стали и бетона? Пшик! Дело не выгорит. Я знаю, что говорю.

– А если ракета угодит в здание, заранее нашпигованное взрывчаткой? – Закаев взглянул прямо на инженера, который уставился на него в напряжении. – Что вы на это скажете?

Инженер оглядел помещение, снова почувствовав злость оттого, что приходится объяснять очевидные вещи этому полуграмотному дикарю.

– Там сейчас любая мусорка под наблюдением, – ответил он. – Даже в подвалах стоят видеокамеры. Чердаки проверяются. Протащить взрывчатку невозможно.

– Ну, давайте, расскажите, как трудно это сделать, – с усмешкой сказал эмиссар и, нагнувшись, погладил спящего кота по спине.

Кот открыл глаза и, казалось, с таким же пренебрежением во взгляде посмотрел на инженера.

– Голоден, Андрей? – Бугров открыл верхний ящик стола. – Посмотрим, что тут нам приготовила Лариса Петровна.

Он достал два бутерброда в полиэтиленовых пакетах и протянул один майору.

– Спасибо, Сергей Сергеевич, после вертолета не ем, – Андрей сделал отрицательный жест рукой.

– Что, до сих пор не любишь летать? – Бугров сочувственно посмотрел на него.

Андрей с чашкой в руке опустился в кресло напротив полковника.

– С июня девяносто девятого...

Полковник замолчал. Он помнил, что было в июне девяносто девятого года, в самом начале второй чеченской...

Тогда, будучи еще майором, он выстроил свой отряд особого назначения на плацу и стал вызывать добровольцев в трудный вертолетный рейд по ночному Кодорскому ущелью. Предстояла рискованная операция по освобождению захваченных боевиками заложников из «Эмнисти интернэшнэл». Отряд стоял молча, мялся, никто не хотел вызываться добровольно на опасное дело, люди устали от бесконечной маелты и крови. Хотя освобождение заложников и благородное дело, но ведь они самиnapросились на войну...

– Не вижу удали, ребята! – зычно закричал Бугров, умело

скрыв внутреннее смущение от такого замешательства.

Вышел на полшага вперед сверхсрочник, прапорщик и лихой разведчик Митяев, небрежно кинул руку к голубому берету.

– Служим России, товарищ майор! Но... хотелось бы знать, кто из офицеров поведет! Тут надо бы знать – раз добровольно.

Майор Бугров стерпел такой выход из строя, хотя и сжался внутренне.

– Молодец, прапорщик! Товарищи офицеры! Кто? Дело крайне рискованное...

Но застыли офицерские ряды как вкопанные. Помимо того, что знали – задание почти безнадежное, теперь от добровольного выхода удерживало и другое: а пойдут ли за ним бойцы... Майор тоже молчал, чувствуя свою промашку, и ругая себя на чем свет стоит: ведь на кон поставлена репутация всего государства.

И тогда старший лейтенант Зубровский шагнул вперед, взял фуражку на руку, как на присяге и сказал как всегда негромко, склонив голову:

– Разрешите, Сергей Сергеич...

Майор облегченно вздохнул. Он знал – за этим пойдут. В отряде укоренилось мнение, что Зубровский – офицер редкий, одновременно и рискованный, и знающий свое дело настолько, что сумеет выбраться из, казалось бы, самой безнадежной передраги. И действительно, заложников тогда осво-

бодили, задание было выполнено, но когда уже возвращались, шальной пулей пробило двигатель Ми-26. Из полусотни пассажиров и экипажа выжили считанные единицы – Андрей Зубровский был среди этих счастливицков. Двадцать дней он находился в глубокой коме и еще несколько дней – в полубессознательном состоянии. Пришел в себя и вновь вернулся в строй, только из строевого офицера пришлось переквалифицироваться в штабиста...

– Ну, хорошо, – полковник предпочел сменить тему. – Как насчет того, чтобы махнуть на недельку в Сочи?

У майора тут же разыгралось воображение. Синее море, желтый песок, легкое дуновение ветерка... Как давно он не отдыхал по-настоящему! Может, и правда махнуть? Но он тут же одернул себя. Настоящий разведчик не должен предаваться мечтам. Надо сдерживать себя, иначе неминуемо ждет жестокое разочарование...

– Но вы же знаете... – осторожно ответил он, не понимая, куда клонит полковник. – На мне – «Зубр».

Программа ЗУБР – «За укрепление безопасности России» – разрабатывалась с целью установления полного контроля за перемещениями граждан по стране. Любой человек, оказавшийся на территории России, попадал в поле ее зрения либо с рождения, либо начиная с момента пересечения границы. Сеть спутникового видеонаблюдения фиксировала лицо, фигуру, походку человека, идентифицировала с помощью трехмерной системы распознавания, заноси-

ла в электронный каталог, а потом в автоматическом режиме отслеживала все его передвижения, куда бы человек ни направлялся на пространстве от Калининграда до Находки и от Белого до Черного морей. И при этом – никаких тебе чипов, вживляемых под кожу, браслетов на горло или прочих подобных средств, от которых приходила в ужас многочисленная рать правозащитников, кричащих о конституционно гарантированном праве граждан на свободное перемещение. Программа, сулящая в скором времени полное уничтожение преступности на территории страны, включала в себя ряд подпрограмм под разными кодовыми наименованиями: СКУНС – система контроля, управления и навигации информационных сетей, СОВА – система оптико-волоконной передачи результатов анализа информации, УДАВ – система управления движением авиа, авто и всех других видов транспорта... Майор Зубровский был куратором этой своры «зверья», чем заслуженно гордился.

Бугров наклонился, доверительно зашептал:

– Зубр подождет. Не волк, в лес не убежит... – полковник улыбнулся своему каламбуру, вспомнив о ВОЛКе – системе визуального опознавания личности. – Любой живности, согласись, тоже нужна передышка. Так что съезди, посмотри, что там и как, разведай, короче, обстановку.

– А с чего разгорелся сыр-бор? – поинтересовался Зубровский.

Полковник наклонился, заговорщически зашептал:

– Ну, про Штаб по обеспечению безопасности Олимпийских игр ты, надеюсь, слышал. Так вот, им там кажется, что в Сочи готовится крупный теракт. Что именно – пока неясно. И поэтому нужен кто-то, кто мог бы объединить все факты в общую картину... Ну, ты понимаешь. Специалист по сложным системам вроде тебя...

Зубровский незаметно вздохнул. Опять сидение на режимном объекте с утра до вечера, за закрытыми дверями с кодовыми замками, понял он. Какие уж тут пляжи! Вот и первое разочарование.

– Но я... – попробовал было снова протестовать он.

– Слушай меня внимательно, Андрей, – оборвал его полковник. – Никто, конечно, не может тебя заставить поехать насильно, но, кроме тебя, если честно, я другой кандидатуры не вижу.

Андрей повертел в руках шариковую ручку.

– Мы же военная разведка, в конце-то концов...

– Вот именно, – подтвердил полковник. – То есть должны работать системно и комплексно, – это были его любимые слова, хотя вряд ли он понимал, какая между ними разница. – Такой человек и нужен. В общем, наладишь там работу, подготовишь специалистов и вернешься.

– Вы же, Сергей Сергеевич, знаете, в последнее время слишком много всего навалилось. Пока распутаюсь... пусть они пока перешлют все данные на мой айпод – я посмотрю.

– Это конечно, – неохотно согласился полковник. – Но по-

ездка не отменяется. Надо посмотреть там все своими глазами, прощупать, так сказать... Сам понимаешь, как это важно. Заодно познакомишься с людьми, подскажешь сочинским ребятам, как за деревьями увидеть лес. Надо успокоить их, чтобы не вздрагивали при каждом взрыве петарды. И ведь всего-то на неделю. Наберешься впечатлений, и с новыми творческими замыслами засядешь за ЗУБр...

– А вдруг сочинцы правы, и за этим скрывается нечто серьезное... – задумчиво спросил майор. – Вам не кажется?

– Это вряд ли, – уверенно возразил полковник. – Уверяю тебя, Сочи террористам не по зубам...

– Тогда почему такой шум?

– Ну что тебе объяснять? Обычное дело – захотелось ребятам расширить штаты...

– Понятно... То есть, как говорится, любая сложная проблема имеет простое и понятное большинству неверное решение.

– Ну, ты это... – насторожился полковник. – Ты это о чем?

– Ничего, я так... Теория исследования операций.

– А-а-а... – Бугров потянулся к настольному календарю. – Так вот... Сейчас у нас понедельник, двадцать седьмое... В пятницу будет, – он полистал календарик, – первое... Если захочешь прихватить и субботу, то как раз до второго. Эх, завидую я тебе, самый бархатный сезон... Я бы и сам поехал, но, – он широким жестом развел руками, давая понять, что тут может без него произойти если и не конец света, то

уж точно крупная катастрофа. – Связь будешь держать с начальником оперативного управления Болховитиновым. Толковый, по-моему, мужик. В общем, подробности тебе расскажет Кожедуб, – полковник поднялся, его голос стал официальным. – Выезжаешь через два часа. Командировка – у секретарши. Самолет уже заправляется. Все!

Зубровский остался недвижим, и было непонятно, как он все-таки относится к предстоящей поездке. Именно поэтому Бугров, всегда считавший, что начальник должен постоянно заботиться о моральном состоянии своих подчиненных, порывлся в нагрудном кармане кителя и, вытащив оттуда какую-то небольшую яркую пачку, с усмешкой бросил ее на стол.

– Это еще зачем? – недоуменно спросил Зубровский, уставившись на пачку презервативов.

– А как же, – улыбка полковника стала шире. – Едешь в зараженную зону...

Майор тоже усмехнулся, но в отличие от полковника не так широко.

– Зараза к заразе...

– Смотри, поосторожней там, – довольный тем, что шутка удалась, полковник протянул майору руку. – Эти сочинки, говорят, весьма экзотичные штучки. Да и курортницы, думаю, тоже... – и с этими словами, не выпуская руки майора из своей, он повел Зубровского к двери.

Инженер Фриш взял в руки лежавшие на столе четки и молча перебрал два черных шарика.

– Никто не сможет пронести ничего подозрительного в город, всех пропускают через рамку еще в аэропортах и на вокзалах, – подробно, как мальчику, стал объяснять он. – На дорогах и в портах установлены посты, обыскивающие все въезжающие в город машины и причаливающие корабли. В близлежащих горах войск – как блох на кошке. Даже если предположить, что взрывчатка каким-то образом окажется в городе, как ее пронести на олимпийский объект? Они все ограждены, никто посторонний не сможет пройти внутрь. Вы что, планируете пронести ее в швабрах для кёрлинга?

Закаев бросил короткий злой взгляд на инженера.

– Вы правы, герр инженер, – заявил он. – Похоже, нам действительно не удастся пронести взрывчатку в город.

Некоторое время в кабинете сохранялось молчание, лишь изредка прерываемое мурлыканьем спящего кота.

– Не пронести, – подтвердил с довольным видом Фриш. – Во всяком случае, достаточного количества.

Закаев улыбнулся инженеру с видом крайнего превосходства:

– А сколько достаточно? Объясните мне, герр Фриш, сколько нужно. Вы же инженер, вы все знаете. Сколько за-

ряды потребуется, например, чтобы разрушить Большой ледовый дворец?

– Да, – сказал Макс, – знаю. Я изучал конструкцию. Вам это не под силу. Разрушить его невозможно. Ну, предположим невероятное. Представим, что пара ракет угодит в него или внутри вы взорвете несколько килограммов пластида. Ну и что? Он даже не шелохнется!

– Почему?

– Потому что все олимпийские объекты в Сочи рассчитаны на взрывные нагрузки...

Закаев кивнул.

– Вот-вот, для этого я вас и пригласил. Расскажите мне про это.

Макс тяжело вздохнул и отложил четки. Хотя и не хотелось ему, дипломированному инженеру-строителю, метать бисер перед этим бывшим актером провинциального театра, да что поделать.

– Внутри строительных конструкций устроено жесткое несущее ядро, сделанное из прочнейших металлических профилей, – он потрогал толстыми пальцами бородку. Злость на Закаева душила его, но он решил довести дело до конца. – Это как броня у танка. Все остальные элементы навешаны на это ядро, как ветки на ствол дерева. Чтобы перерубить ядро, необходимо пробить внешние ограждающие конструкции из прочнейшего бетона, а это с помощью современных видов взрывчатки практически невозможно. Ну что

такое даже 50 килограммов тротила против тысячетонного сооружения? Оно просто слегка встряхнется, и все.

Закаев поглядел на инженера и увидел, что тот на грани взрыва.

– Вы забыли сказать, что там недавно создан штаб по обеспечению безопасности Олимпийских игр, и все уверены, что с ними связываться бесполезно, – сказал он, глядя в упор на Макса. – Все, включая вас, думают, что только чокнутый может попытаться схватиться с ними. А когда человек вобьет себе что-то в голову, бдительность его ослабевает. Не так ли?

– При чем здесь штаб, – нервно отозвался инженер, – если все объекты в Сочи делают из особых материалов. Это же фибробетон!

Последовала долгая пауза, которая, видимо, насторожила кота. Он прыгнул с дивана, потерся спинкой о ногу Закаева, и замяукал. Нагнувшись, Закаев взял его на руки.

– Продолжайте, – кивнул эмиссар, поглаживая кота. – Допустим, я соглашусь, что с большим количеством взрывчатки будут трудности. А если поджечь?

– И что вам это даст? – не сдавался Макс, стараясь говорить как можно убедительнее, для чего понизил голос. – Ничего не получится. Все сооружения возводятся из негорючих материалов, оборудуются средствами пожаротушения – от водяных насосов до воздушные пушек, перекрывающих доступ воздуха к пламени. Огнестойкость гарантирована.

Закаев посмотрел на него, как на мальчишку. Этот тол-

стый бородатый немец вызывал у него лишь презрение.

– Вы думаете, раз им удалось временно вытеснить нас за границу, мы тут дураки? Борьба не закончена... Поверьте, мы еще будем стоять у Ростова! То, что вы здесь сказали, давно всем известно. Русские так гордятся своей системой защиты от терроризма, что трубят об этом ЗУБРе на каждом углу. Они убеждены, что никто не может преодолеть его, и расписали систему во всех подробностях, чтобы нагнать на всех страху. Может быть, кого-то они и запугали, но только не нас, чеченцев!

Инженер погасил сигарету и тут же зажег другую, не сводя с Закаева прищуренных глаз.

– Расскажите, в чем ваш план? – спросил он.

– Вот именно, – эмиссар взглянул в его сторону. – У нас есть план. Надо только привести его в действие. Я знаю, что это сложно. Но знаю также, что они потеряли бдительность, заражены коррупцией, и мы свалимся им как снег на голову. Конечно, в основном вы правы. – Он пощекотал коту брюшко, и тот сделал вялую попытку цапнуть хозяина. – Десятком или даже сотней килограмм ничего не сделаешь, а пронести большее количество взрывчатки в тщательно охраняемый город будет сложно. – Скинув кота на пол, он достал из кармана снимок и протянул его собеседнику. – Вы что-нибудь слышали про Мзымтинскую ГЭС?

Инженер молча покрутил снимок в руках, и эмиссар продолжил:

– Гидроэлектростанция возводится в верховьях Мзымты и предназначена для энергоснабжения Олимпийской деревни. В долине реки сооружается большинство олимпийских объектов – горнолыжный комплекс, ледовый дворец, биатлонная и бобслейная трассы. Вдоль Мзымты идет дорога, соединяющая Сочи через Хосту, Мацесту и Адлер с Красной Поляной. В водохранилище, расположенном за плотиной, будут накоплены миллионы тонн воды. Надо использовать этот огромный водяной кулак, занесенный над Олимпиадой.

– Да постоит вы, – вспыхнул Макс, наклоняясь вперед. – Разве взорвать ГЭС легче, чем стадион? Ведь это же чушь собачья! На станцию не пронесешь даже кусок хозяйственного мыла. Там такой контроль – везде камеры, датчики тепла и объема. Что толку, если даже кому-то с рюкзаком взрывчатки удастся проникнуть туда? Ну, сумеете вы проделать пару трещин в плотине! Да это не повлияет на несущую способность всего сооружения ни в малейшей мере! Там столько металла! Так что вся эта затея напрасна...

– Вы так думаете? – спросил Закаев с издевкой.

– Я не думаю, я знаю, – лицо Макса напряглось.

– Вы уверены в этом? – снова спросил эмиссар столь язвительно, что Максу захотелось его ударить.

– Уверен. И чтобы вы ни говорили, разуверить меня не сможете, – сказал инженер. Он с трудом сдерживал гнев.

– Ну, если так, – развел руками эмиссар и продолжил, пе-

редавая инженеру еще один снимок: – А если взрывчатку заложить в бетон плотины еще при ее возведении? Можно это сделать?

Инженер удивленно уставился на снимок и какое-то время рассматривал его. Потом, пожав плечами, положил на стол.

– Как это?

– Вместо цемента... Ведь цемент и взрывчатка одного цвета, их почти невозможно отличить по внешнему виду. Как вы думаете?

Инженер поерзал на диване.

– Ну, допустим, – нехотя согласился он.

– Верно. Я думаю так же, – сказал эmissар. – Вот мы и сумеем начинить конструкции взрывчаткой, а потом, когда это будет необходимо, привести ее в действие. Учтите, конструкции для Олимпиады, ввиду огромной потребности, поступают в Сочи отовсюду – с Черноморского побережья, из Абхазии, Турции, и даже из Грузии. Как думаете, президент Грузии пойдет нам навстречу, если мы попросим его о маленьком одолжении? – он немного подождал и, увидев, что инженер не отвечает, продолжил: – Я думаю, с радостью. И тогда любая бетонная балка, уложенная в объект, превратится в мину замедленного действия.

Закаев откинулся на подушках. Он явно торжествовал. С лица инженера сошло спесивое выражение.

– А неплохо мы все продумали, господин инженер, да?

И взрывчатку пронесли, и на объект доставили, – эмиссар удовлетворенно ухмыльнулся. – Осталось только привести ее в действие.

– Вы, кажется, говорили о разрушении всего Сочи? – хмуро напомнил Макс. Он упрямо продолжал сопротивляться. – Разрушить ГЭС – это еще не значит разрушить город...

Улыбнувшись, Закаев достал папку.

Инженер ждал, что будет дальше. Эмиссар положил папку на стол.

– А мы и не будем разрушать город, раз это так сложно, – он открыл папку, достал большую глянцевую фотографию и протянул ее Макс. – Это вид долины Мзымты с юга на север. ГЭС расположена на высоте примерно девятисот метров. Если с такой высоты 2 миллиона кубометров воды из водохранилища ринутся, увлекая за собой глину и камни, вниз на Имеретинскую низменность, где расположены Адлер, Хоста и Мацеста, что еще нужно? И сухие позавидуют мокрому, как сказано в Апокалипсисе.

Наступила долгая тягостная тишина, в течение которой эмиссар продолжил гладить кота, потом инженер тихим голосом сказал.

– Но ведь погибнут тысячи!

Лицо эмиссара осталось невозмутимым, но глаза его сверкнули.

– Речь идет о независимости Ичкерии! – он резко провел рукой против шерсти, и кот недовольно фыркнул, недоумен-

но скосив на хозяина глаза. – В Коране сказано: когда начинаешь убивать за правое дело – убивай, и не думай о последствиях... И давайте не углубляться в эту тему. Ваша задача, – он грозно взглянул на инженера, – чисто техническая. Учтите, плотина уже заминирована. Все о чем я говорил вам в будущем времени, уже сделано. Нам удалось запихнуть внутрь свыше четырех тонн взрывчатки. Правда, мы не смогли равномерно распределить ее по всему объему, так что получилось где густо, а где пусто. Но у нас есть схема расстановки зарядов, а ваша задача – как можно эффективнее использовать их. Короче, вы должны дать ответ, где и сколько нужно установить взрывателей.

Инженер взял из рук эмиссара листок, на котором схематично, от руки была изображена плотина с указанием мест закладки зарядов и количества в них взрывчатого вещества. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы оценить схему – да, чеченцы поработали на славу. Если верить схеме, вся плотина, изображенная в плане, в разрезе и продольном профиле была буквально нашпигована взрывчаткой. Значит, дело за взрывателями? Ну что ж...

– Вы должны рассчитать все с ювелирной точностью, – продолжил эмиссар, испытующе глядя на Фриша.

Инженер пожал жирными плечами. Он больше не колебался. Эти дикари, как ни странно, действительно продумали все до мелочей. Остальное – дело техники. Почему бы и нет? Полмиллиона баксов на дороге не валяются.

– Ну что ж, за пятьсот тысяч можно попробовать, – Макс облизал пересохшие губы.

– Значит, вы поняли, герр Фриш, – сказал эмиссар, и его черные глаза стали колючими, – что я покупаю ваше полное безоговорочное сотрудничество? Вы будете делать все, что я вам прикажу.

Инженер посмотрел на эмиссара.

– Дайте мне точные чертежи плотины, и через пару дней я скажу вам, как не оставить от нее камня на камне.

Сбросив кота на пол, эмиссар поднял руку в патетическом жесте.

– Эта Олимпиада будет нашей. Редко какая Олимпиада обходилась без жертв, но Сочинская побьет все рекорды. Да поможет нам Аллах!

Перелет Москва – Сочи на служебном Як-40 занял немного времени, и уже через пару часов майор Зубровский вдыхал живительный горный воздух Черноморского побережья Кавказа.

Стоя возле контрольно-пропускного пункта у входа в Штаб по обеспечению безопасности олимпийских игр, – сокращенно ШтабБОЛ, – расположившийся на территории штаба Северо-Кавказского военного округа, он с интересом смотрел на лозунг, начертанный красной масляной краской на фронте здания: «Россия, вперед!», заменивший, видимо, висевший здесь ранее лозунг «Слава КПСС!», отдельные части которого еще проступали сквозь новую надпись.

Здание располагалось на холме, и в отличие от подобных зданий, виденных Андреем прежде, походило на санаторий оригинальной архитектуры. Оно казалось необычайно легким и как белая чайка парило над окружающим его сосновым бором.

Пройдя проверку на КПП, он направился прямо к входу. Офис начальника оперативного управления ШтабБОЛа занимал три кабинета на верхнем этаже здания.

Окна в коридоре выходили на заросшую ивами долину немногочисленной в это время года реки Мзымты. У Зубровского была возможность взглянуть на нее, пока охранник про-

верял его документы.

Капитан первого ранга Владимир Анатольевич Болховитинов, маленький, усатый, одетый в белоснежную морскую форму, накрахмаленную и отутюженную, сидел за своим широким столом из мореного дуба. Весь его вид – круглое загорелое лицо, коротко подстриженные седые волосы, выцветшие голубые глаза – говорил о том, что большую часть своей жизни он посвятил морю. И это было действительно так. Болховитинов, как знал Зубровский, раньше служил на разведывательной подлодке, ходил к берегам Турции и Северной Америки.

– Ну, здравствуй, майор, – сразу переходя на ты, приветствовал он Зубровского, вставая со стула и с широкой улыбкой оглядывая его. – Гэрэушника видно издалека... Я, честно говоря, рад, что прислали именно майора. Приехал бы полковник – и все время ушло бы на разговоры, переговоры, приемы... Кофе? Или чего покрепче?...

Андрей отметил умение каперанга держаться раскованно. Какой армейский полковник стал бы общаться в подобной манере с майором?

– Кофе, пожалуй... – ответил он.

– Может, нашего красного?... – настаивал каперанг. – Для знакомства, а? Есть и беленькая...

– От краснодарского не откажусь, – согласился майор, уступая законам гостеприимства. – А от беленькой еще с Москвы голова болит.

К огорчению Андрея, обещанный кофе, как и следовало ожидать, оказался с сильной примесью морской соли, которую каперанг специально добавлял в воду для вкуса. Он сам наполнил чашку с отверстием в ручке, предназначенным, по-видимому, для крепления ее к корабельной переборке. И кофе, и кофемолка стояли сзади него на старинном резном серванте, откуда каперанг мог их достать, просто повернувшись в кресле.

После того как они выпили неплохого «Гурджаани», хозяин кабинета перешел к делу:

– Ну-с, так с чего начнем?

Андрей откашлялся.

– В самолете я просмотрел документы... Некоторые весьма любопытны, но чтобы сказать что-то определенное... – он не спешил с озвучиванием собственных выводов.

– И какое общее впечатление? – продолжал настаивать каперанг.

– Трудно сказать. Слишком много информации...

Болховитинов широко улыбнулся.

– Так ведь старались... Чем больше информации, тем лучше.

– Не всегда. Позвольте для начала узнать ваше мнение – вы же уже давно работаете с этими данными.

Прежде чем огласить свою точку зрения, каперанг пристально посмотрел на майора.

– Похоже, здесь что-то назревает, – порывшись в столе, он

достал оттуда папку с бумагами. – Еще непонятно что, но у меня такое ощущение. Понимаете, отдельных мозаик много, но так, чтобы они сложились в общую картину...

– Ну, например?

Каперанг раскрыл папку.

– Три основных момента. Во-первых, в горах происходит концентрация боевиков. В основном на границе с Грузией. Само по себе это может не иметь никакого отношения к играм, но тем не менее. Во-вторых, среди гостей, посещающих олимпийские объекты, нами выявлено несколько чересчур любопытных. На допросах все показали, что информацию собирали с определенными целями. Ну и, наконец, в последнее время задержали несколько человек с взрывчаткой. Немного, по сто – двести граммов у каждого. Может, для каких-то своих целей, а может, и для другого дела...

– Сто грамм – не страшно, – помолчав, сказал Зубровский. – Во всяком случае, еще слишком рано говорить о чем-то серьезном.

– Ну, разумеется, – Болховитинов, который, очевидно, был настроен более решительно, вскочил и заходил по кабинету. – Дадим им, черт побери, немного времени подготовиться... Вам в Москве, может, все и кажется проще, но нам приходится быть начеку. Черт возьми, мы не должны расслабляться!

Майор не обратил на его вспышку никакого внимания.

– А может, это просто провокация?

– Провокация? – переспросил, распаляясь, Болховитинов.

– Да, провокация, – спокойно повторил Зубровский. – Разве не могут они специально подбросить взрывчатку, чтобы взвинтить нам нервы, посеять страх перед возможным взрывом и тем самым напугать до чертиков всех – и жителей, и гостей города? Несколько обнаруженных граммов тротила могут повлечь за собой тонну слухов о якобы нависшей над городом опасностью. Пресса такой вой подымет...

Майор задумчиво постучал авторучкой по столу.

– Все это может быть очень тонко задумано. Сначала слухи – опровергнуть их почти невозможно. Это ведь только слухи, никто ничего определенно не утверждает. А мы уже сомневаемся, уже не можем быть спокойны. Затем телефонные звонки о подложенной где-нибудь на автобусной остановке взрывчатке, электронные письма с неизвестных почтовых ящиков... Для нас это хуже мины замедленного действия. Как поведет себя МОК? Есть сведения, что Инсбрук на всякий случай готовится... А как будут себя чувствовать жители города и гости Олимпиады, все время ощущая себя на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется?...

Каперанг долго ходил по комнате, устало переставляя ноги, потом упрямо тряхнул головой:

– Нет, не убедили меня твои доводы, Андрей Павлович. Даже если это ложный след, значит, где-то должен быть и настоящий.

Зубровский налил себе еще кофе, но, так и не выпив, по-

спешно заметил:

– А вы думаете, Владимир Анатольевич, меня не огорчает мысль, что я приехал сюда напрасно? Однако я должен предусмотреть и эту возможность, тем более, что именно на этой версии настаивает руководство.

– Руководство, говоришь? – переспросил каперанг. Он еще раз прошелся по комнате, заложив руки за спину, и продолжил: – Оно всегда на чем-то настаивает... Особенно, когда не хочет слышать подчиненных. Что мы, собственно говоря, у них просили? Увеличить штаты? Добавить средств на агентуру? Но ведь это только до Олимпиады. Как только все закончится, будем сокращать...

Майор искренне рассмеялся.

– Развеселили вы меня, Владимир Анатольевич. Ну кто, где и когда сокращал штаты?

– Но ты же еще не знаешь всего, – горячо воскликнул Болховитинов. – Вот, например, вчера ночью на центральной площади задержали еще одного. Вез пакет с тротилом. Больше килограмма. А это уже, как ты понимаешь, серьезно.

– Согласен, это уже интересней, – насторожился Зубровский. – Он сказал, для чего ему понадобилась взрывчатка?

– Пока молчит, – ответил Болховитинов.

– Может, для рыбалки? Или для дружков из криминала? Понимаете, странно, если он связан с боевиками. Обычно такого рода специалисты не прокалываются при перевозке на дорогах. Вы же знаете: пятьсот рублей – и вези, что захо-

чешь... Возможно, его специально подставили.

Болховитинов налил в стакан еще немного вина из бутылки, жадно выпил, и спросил возбужденно:

– Но ведь кому-то для чего-то это понадобилось?

– Для убедительности, – ответил Зубровский. – Этот пацан может быть просто подставной пешкой в какой-то далеко идущей игре. Они же, насколько известно, людей не ценят...

– Да, дураки, готовые рискнуть за сотню баксов, всегда найдутся, – согласился Болховитинов, остановившись перед Зубровским.

– Возможно ли, что за этим стоит Ахмед Закаев?

– Возможно. Этот Ушат Помоев остался у них за главного.

– Мне довелось однажды еще в Чечне познакомиться с ним, вернее, с его работой. Он не может без азиатских хитростей. Там он тоже хотел нас запутать ложными следами. Так что он вполне может напичкать Сочи всякими хитрыми штучками. Тут вы, конечно, правы. Безопасность – прежде всего. И хладнокровие с беспристрастностью здесь просто необходимы. Поэтому для начала давайте сделаем так: я хотел бы переговорить с этим парнем. Организуете?

– Ну, конечно, – обрадовался каперанг. – И не только переговорить. Подключайся к его разработке по полной программе. Мы дадим тебе группу. Увидишь, ребята отличные. Если возникнет необходимость оперативных действий, действуй самостоятельно, не согласовывая со мной. Я оповещу всех, чтобы тебе оказывали всяческое содействие.

– Не слишком ли вы были откровенны с этим немцем? – спросил эмиссара щедушный, чуть прихрамывающий человек, который показался в дверях, когда Макс Фриш покинул помещение. Это был секретарь Закаева Фанум Бей, турок по национальности. Он слышал весь разговор, находясь в соседней комнате.

Много лет он верой и правдой служил эмиссару – еще со времен первой чеченской, куда отправился добровольцем, и был беспредельно предан ему. Его боялись и ненавидели все сотрудники зарубежного правительства. Ходили слухи, что Фанум Бей доставлял своему хозяину наркотики, приводил к нему малолеток, а также контролировал чеченских предпринимателей, работающих в Лондоне и за границей.

Он проковылял по кабинету и, ожидая распоряжений, остановился возле стола своего шефа.

Закаев, проведя рукой коту по шерстке, взглянул на помощника.

– Думаешь, сдаст?

– Этот сосисочник? Да он продается первому встречному. У него на морде написано – тридцать серебряников...

Закаев ухмыльнулся.

– Интересно, как он это сделает...

Увидев недоуменный взгляд Фанума, пояснил:

– Вряд ли ему удастся. Мы не выпустим его отсюда до конца операции. А после... – он сделал неопределенный жест рукой.

Фанум промолчал. Он был сдержанным человеком и хорошо понимал, что означает этот жест.

– Что с чертежами плотины? – продолжил Закаев.

Лицо помощника осталось непроницаемым.

– Чертежи и снимки будут, как только получу их от Джабы, – доложил он. – Сейчас он в Кодорском ущелье. Если все пройдет хорошо, то не позднее, чем завтра.

Эмиссар нахмурился.

– Как бы наш Красавчик не попался в лапы к русским. На счет его самого я уверен, а вот если у него найдут эти снимки...

– Ничего страшного, – поспешил возразить Фанум. – Даже если это произойдет, вряд ли кто догадается, зачем они ему и что они для нас представляют. Такие снимки может сделать любой турист, оказавшийся на строящемся олимпийском объекте. Русгидро, возводящая ГЭС, сама выпустила рекламные листки с видами и чертежами плотины.

Последовало долгое молчание, затем Закаев сказал строгим тоном:

– Тем не менее предупредите Джабу быть осторожным. И продолжайте нагнетать обстановку. Пусть дергаются... Письма и звонки с угрозами должны поступать к ним ежедневно. Время от времени в Сочи должны находить по

нескольку сот граммов взрывчатки. Подставных пешек для этого мы найдем. Это называется на военном языке – вести беспокоящий огонь. А мы тем временем будем делать свое дело. И поторопитесь. Как только получите что-то от Кра-савца – мигом ко мне.

* * *

– Подойди-ка ближе, – сказал Зубровский задержанному, посмотрев на часы. Было только половина двенадцатого, а уже ощущалась какая-то усталость, словно в конце рабочего дня. Это все жара... Сейчас бы на море...

Не спеша он осторожно помассировал веки. Не только потому, что глаза устали, но и руководствуясь известным правилом: при виде утомившегося и слегка расслабившегося следователя преступник сам расслабляется.

– Значит, ты и есть Весельчак? – спросил Зубровский, поднимая голову, и неожиданно для себя удивился: он думал увидеть перед собой смуглого и черноволосого кавказца, как обычно выглядят дети гор, а его взгляд наткнулся на совершенно другой тип лица.

– Да, я, – ответил юноша лет восемнадцати. Не очень высокий, худощавый, русоволосый, он держался как мальчик из приличной семьи, убежавший от няни. Красная клетчатая рубашка придавала ему вид жизнерадостного ковбоя, не совсем уместный в этой официальной унылой обстановке слу-

жебного кабинета.

– Садись! – приказал майор, и тут же отметил: ведет себя не вызывающе, но и не слишком поспешно. Нормальная реакция. Он быстро просмотрел заметки, в которых резюмировал содержание заведенного на Алиева дела. Всего несколько скупых строчек – наркотики, хранение взрывчатых веществ и тому подробное. Список длинный, но нарушения несерьезные. Никаких данных о связи с боевиками. Несколько месяцев совсем не был в милиции. Майору показалось, что с этого и следует начать.

– Чем занимался в последнее время?

– Учил английский, – ответил, чуточку подумав, юноша.

Зубровский с интересом взглянул на него. Похвально.

– Ну-ка, скажи пару слов по-английски.

– Хэлло, фрэнд, – довольно правильно произнес мальчишка.

– Отлично, парень, – похвалил его Зубровский. – У тебя неплохое произношение. Почти американское. Но вчера подготовка к Олимпиаде для тебя закончилась. Этим всегда кончается, когда разъезжаешь с пакетом взрывчатки по городу. Незаконный оборот взрывчатых средств, статья 109 УК – вот как это называется... Знаешь, на сколько это потянет?

Улыбка сползла с лица парня, он замолчал, и Зубровский счел начало допроса удачным.

– Где ты его взял? – спросил он.

– Нашел, – быстро ответил Весельчак.

– Валялся на дороге, конечно?

– В Ленинском сквере. Увидел, что-то белеет и, остановился взглянуть.

– Наверно, обронил кто-то? – подсказал Зубровский.

– Вряд ли, – парень не клюнул на наживку. – Скорее оставили нарочно.

Майор спросил, пытаясь придать вопросу оттенок безразличия:

– И что же ты собирался делать с находкой?

– Почему я знаю? Может, продать.

– Кому?

– Что значит – кому? Покупатель всегда найдется.

Местная манера вести разговор становилась все заметнее, проявляясь в привычке отвечать вопросом на вопрос.

– Выходит, ты чист, и мы должны принести тебе извинения? – спросил он, пристально глядя в лицо парня, и когда тот приподнял голову, увидел, что под глазом у него синяк, а левая щека чуть припухла. – А может, прикажешь тебя наградить? Ведь находка могла попасть и в более опасные руки?

Он почувствовал, что Алиев успокоился, но уже немного устал.

– Кстати, Алик, а как ты догадался, что в пакете тротил? Ты что, понял это, когда открыл его? Разве ты разбираешься во взрывчатке?

– Ну, я просто предположил, – не слишком уверенно от-

ветил парень.

Итак, первое попадание, но успех достигнут только теоретически. Надо было придумать еще какой-то ход, чтобы парень раскололся. Зубровский тяжело вздохнул, изобразив на лице скуку.

– Ты смотрел фильм «Перевозчик», Алик? С Брэдом Питтом, кажется, в главной роли? Отличный фильм, правда? Так вот, видишь ли, ты такой же перевозчик. Кто-то, не знаю, кто именно, поручил тебе отвезти тротил, надеясь, что если тебя схватят, ты будешь молчать. Пока мне еще неизвестно, для чего могла пригодиться твоя находка – глушить рыбу или взорвать что-то посерьезней, да это меня сейчас и не очень волнует. Я не прошу тебя говорить – для чего, ты должен ответить мне – для кого. Вот что меня интересует.

– Что я должен сказать?

– Ты должен назвать человека, который дал тебе взрывчатку, – сказал Зубровский, слишком поздно спохватившись, что его самого подловили. Сукин сын, мальчишка посадил-таки в лужу. – Хорошо, хорошо. Раз уж ты такой разговорчивый, объясни мне одну вещь. Как вышло, что на пакете с тротилом стоит адрес булочной с улицы Советской, где как раз ты и живешь?

Не переставая говорить, Зубровский то и дело заглядывал в свои заметки, где значились адреса и фамилии, и только собрался исправить допущенную ошибку, как парень его перебил:

– Не знаю никакой булочной. За хлебом ходит мать. На-
черно, чистое совпадение.

– Ну, конечно, совпадение! Как раз эту версию, я и соби-
рался тебе подкинуть.

– Да ведь все так и есть.

– Ну, конечно, конечно, я тебе верю, – с довольным ви-
дом кивнул Зубровский и пристально посмотрел на подслед-
ственного.

Допрос продолжался еще минут десять, но больше похо-
дил уже на отвлекающий огонь. По существу, майор просто
пытался скрыть, что в голове у него порядочная неразбери-
ха, и он сам до конца не уверен – случайно нашел парень
пакет или нет. Наконец он с притворным удовлетворением
кивнул и проговорил:

– Во всяком случае, ты мало чего добился, рассказывая
все эти басни. Значит, решил просто отсрочить свое призна-
ние? Ну что ж, тогда посиди немного в одиночке, герой. Я
много встречал героев на свободе, но что-то не припомню
ни одного такого на нарах... Мне спешить некуда. Если не
хочешь признаваться, постарайся вспомнить, чем закончил-
ся тот фильм.

Он позвал конвоира и, не глядя больше на парня, который
вяло поднялся со стула, углубился в чтение бумаг.

Чем, кстати, закончился тот фильм про перевозчика? Все
голливудские боевики обычно заканчиваются на оптимисти-
ческой ноте. Вроде бы тот перевозчик остался жив. Но в жиз-

ни ведь все по-другому? Тем более, в нашей.

Дело Алиева по-прежнему лежало у него на столе. Он вложил в него листок со своими заметками, теперь уже ненужными. Взяв техпаспорт на скутер, машинально раскрыл его, закрыл, и снова раскрыл с легким волнением. Фамилия лица, выдавшего доверенность, была Смирнов, как и у директора фирмы, что значилась на целлофановом пакете. Неужели просто совпадение?

За столом, заваленным справочниками и таблицами, сидел инженер Фриш. Перед ним светился экран компьютера, на котором расположились целые ряды формул и цифр. На столе лежала гора исписанной бумаги, но дело на лад не шло. Расчеты показывали, что для разрушения плотины требуется не менее десяти тонн взрывчатки. Чеченцам же, несмотря на все бахвальство Закаева, удалось заложить в тело плотины менее половины от этого количества... Что можно взорвать четырьмя с небольшим тоннами?

В подрывном деле, думал инженер, есть свои жесткие правила, пренебречь которыми может только человек, незнакомый с техникой подрыва. Фриш знал: взрыватели должны быть расставлены оптимально, так как минирование произведено под обрез, то есть необходимо с особенной педантичностью соблюдать эти законы. Не мог же он, имея в наличии половину от требуемого количества взрывчатого вещества, рассчитывать разрушить мощное тело плотины толщиной от двадцати метров в основании и до десяти метров по гребню? Даже если, как утверждает эмиссар, им удалось заложить взрывчатое вещество повышенной мощности – пластид, то и этого недостаточно. Не ядерный же это заряд!

– Нет, – решительно тряхнул головой инженер, – так далеко не уйдешь. Вес взрывчатки пока нужно оставить в по-

кое. Это константа. От нее надо плясать.

И он снова принялся размышлять. Может, целесообразно разместить несколько взрывателей, чтобы они подняли плотину в воздух по частям?

Инженер развернул схему плотины с указанием мест расположения зарядов. Он попытался разместить в теле несколько взрывателей, рядом с каждым зарядом, но убедился вскоре в полной несостоятельности этой затеи. Чертовы чеченцы, им кажется все просто, а на самом деле здесь одни проблемы. Фриш знал все способы подрыва бетонных и железобетонных сооружений, однако на этот раз он был бессилен.

И тут на мгновение мелькнула мысль. А Саяно-Шушенская ГЭС? Как разрушилась она? Кажется, там произошел гидроудар, вызвавший катастрофические последствия? Гидроудар... В 43-м англичане использовали это физическое явление, чтобы вывести из строя немецкие плотины и затопить прибрежные города.

Телефонный звонок нарушил ход мыслей инженера. Он снял трубку и услышал голос Закаева:

– Ну, как у вас дела, герр инженер? Все еще не удалось решить проблему?

– Вы сказали, что я могу рассчитывать только на пять тонн пластида. Вот и судите: можно ли таким количеством взрывчатки взорвать ГЭС?

– А что, мало? – поинтересовался Закаев.

– Мало, – ответил Фриш. – Нужно по крайней мере в два раза больше.

Наступило короткое молчание, слышно было только тяжелое дыхание эмиссара. Фриш машинально вертел в руках авторучку.

– Думайте, герр Фриш, – произнес наконец эмиссар. – У нас мало времени.

Фриш положил трубку. Какова толщина плотины в самом узком месте? Он достал блокнот. Формулу расчета заряда Фриш знал на память: количество заряда в килограммах пропорционально кубу толщины разрушаемой конструкции в метрах. Значит, при ширине плотины в один метр потребуется один килограмм, при десяти метрах – тысяча, или одна тонна, а для двадцатиметровой толщины с учетом коэффициента, принимаемого для бетона, – почти двенадцать тонн взрывчатки... И никуда от этой цифры не денешься.

Он снова вспомнил о том, на чем остановился перед тем, как прозвучал телефонный звонок. Гидроудар... Ну, конечно. Если использовать его, сила взрыва возрастет в десятки раз... Только надо, чтобы он произошел в воде... И тогда распираемая взрывом вода со страшной силой обрушится на плотину. Взрыв тонны взрывчатки и на воздухе приводит к огромным разрушающим последствиям, а ведь любая жидкость в тысячу раз плотнее воздуха... В 43-м англичане специально сбрасывали бомбы не точно на плотину, а рядом с ней, чтобы гарантированно искалечить ее водным кулаком.

Но как осуществить это сейчас? Инженер щелкнул пальцами. Очень просто! Надо произвести два взрыва. После первого предварительного кусок бетона с оставшейся половиной взрывчатки должен отвалиться от плотины и уже в воде произойдет повторный основной взрыв.

При мысли об этом инженер почувствовал радостное возбуждение, но потом придержал себя. Ведь для того, чтобы первичный и вторичный взрыватели сработали фактически синхронно с интервалом в десятые доли секунды, придется продумать целую систему. Во-первых, второй заряд, находящийся в отколовшемся куске, придется приводить в действие дистанционно по радио. А учитывая то, что размещать взрыватель в бетоне нежелательно, – там щелочная среда, она съест все контакты – то придется использовать радио-взрыватель. Радиосвязь тоже может подвести. Ведь все будет происходить в водной среде. Поэтому, во-вторых – необходимо использовать не один детонатор, а несколько. И значит, в-третьих – понадобится подрывник, который установит эти взрыватели в тело плотины, а затем приведет их в действие. Для этого ему придется в момент взрыва находиться на плотине или непосредственно рядом с ней. А это значит – почти верная смерть. Кто пойдет на это?

«Да какая мне разница, – отмахнулся инженер, – не моя проблема. Если надо, найдут...»

Он отложил блокнот. Сомнений нет: он на верном пути. Инженер с облегчением вздохнул, и тут только заметил, что

его чай остыл. Он допил чай. Теперь можно звонить Закаеву.

* * *

К вечеру этого дня Зубровский из гостиницы позвонил Болховитинову, и тот приказал ему прибыть с докладом.

– Наконец-то! – оживленно воскликнул каперанг, направляясь навстречу майору. – Давно вас ожидаю.

– Только что с допроса Алиева.

– Ну и как дела?

– Кажется, что-то прорисовывается...

Заинтересованно посмотрев на него, Болховитинов взял дело и стал читать. Как только он просмотрел первый лист, на его правой щеке задергалась синяя жилка.

– Как я понял, майор, ты теперь поменял свою первоначальную точку зрения?

– Еще не поменял, но...

– Но, – продолжил Болховитинов, – уже заинтересовался? Так ты считаешь – Алиев врет, утверждая, будто не знает директора булочной?

– Если предположить, что Смирнов, указанный на доверенности и на пакете, – одно и то же лицо, значит, врет. И врет умело. Он даже не пожелал мне возразить, когда я нарочно искажил фамилию: вместо «Смирнов» сказал «Смирный» в надежде, что парень меня поправит.

– Думаю, этого Смирнова надо брать...

– Нет, – не согласился майор. – Спешить не надо. По моей просьбе его уже допросил участковый. Молчит, и факт знакомства с Алиевым отрицает. Но против него говорят два подозрительных обстоятельства. Первое – магазин процветает, хотя этот Смирнов только недавно едва-едва выбрался из финансовых затруднений. А теперь даже купил себе «Мерседес». И второе – после допроса кто-то позвонил ему по карточке с телефона-автомата: «Это я, Федор», начал было молодой голос, но бизнесмен его сразу прервал: «Ты ошибся» – и повесил трубку. Если Смирнов полагал, что никакой Федор звонить ему не может, тогда почему он назвал на «ты» незнакомого человека, который ошибся номером? Значит, знал, что его телефон прослушивается. Эта его уверенность по крайней мере подозрительна. Я чувствую, что за этим скрывается что-то серьезное.

– Молодец, – подойдя к майору, каперанг по-медвежьи облапил его, но на лице появилось настороженное выражение. – Выяснил, кто такой этот Алиев?

– Выясняем, но, строго говоря, сейчас это не так важно. Главное, что он связан с взрывчаткой, а значит, возможно, и с боевиками. Считаю, что линия Смирнова должна разрабатываться самостоятельно.

– Я рад, что ты так рьяно взялся за дело, – сказал Болховитинов. – За Смирнова не беспокойся, за ним присмотрят. – Он выпустил клубы дыма. – Ну, допустим, что чеченцы решились на подрыв. Что, по-твоему, они могут выбрать в ка-

честве цели?

Андрей сидел, спокойно перебирая бумаги в своем портфеле. Еще в самолете во время полета из Москвы он обдумывал ответ на этот вопрос.

– Я думаю, – он распрямился и поднял голову, – это должны быть жизненно-важные цели.

– А почему не военные – например, морской порт? Или вертолетный полк в Анапе?

– Атака на надежно защищенные военные объекты вряд ли что-то даст, – как о чем-то давно решенном произнес Андрей.

– А олимпийские объекты? Например, ледовый дворец?

– Тоже маловероятно. Ну, разрушат они там пару скамеек. Мне кажется, что главную угрозу представляет все то, что идет с гор.

– Лавина?

– Не только. Сель, ледник, – он замолчал, обвел глазами помещение. – Просто вода...

Болховитинов побагровел.

– Я ни на миг не допускаю...

– Поток воды, который ринется вниз, – спокойно закончил Андрей, – разрушит все, что ниже по течению. А это и ледовый дворец, и малая спортивная арена, и вообще все черноморское побережье между Адлером и Мацестой.

– Но ты же не думаешь, что чеченцы действительно решатся на такое? До этого им сначала надо додуматься.

– Они мне не докладывали. Но я бы выбрал именно гидроузлы и горные водохранилища.

– Ладно, оставим технические детали специалистам, – Болховитинов вытащил сигарету изо рта и положил ее на край хрустальной пепельницы. – Поговорим, с чего начать меры противодействия. Ты уже, полагаю, обдумал этот вопрос?

Зубровский еще и сам не знал твердо, но уверенно заявил, что с усиления режимных мер, а также обхода строящихся объектов – спортивных сооружений, культурных и промышленных объектов, торгово-развлекательных центров. Необходимо также прочесать горы, ликвидировать все скрывающиеся там группы и взять все водоемы, а также подходы к ним на спутниковый учет. С этими мерами каперанг согласился, но при этом предупредил, что необходимо соблюдать аккуратность, нельзя, чтобы кто-то заметил повышенную активность органов. Это может вызвать нездоровый ажиотаж и слухи.

– И возьмите на учет всех возможных кандидатов на роль смертников, – Зубровский подождал, пока информация уложится в голове каперанга. – Надо держать их под контролем.

Болховитинов недовольно поморщился. Майор не понимает, с какими трудностями связан сбор таких сведений. Его, как любого аналитика, не интересует, какой ценой будет получена информация. Каким образом данные попадают к нему на стол – не его забота. Любой аналитик требует как

можно больше данных. А чтобы собрать их, придется попотеть.

– Мы уже собираем такие сведения. Это сложно. В Чечне тысячи женщин, потерявших сыновей, мужей, братьев. За последнее время там и в ближайших регионах исчезло около полусотни таких женщин. Никто не знает, где они. Надо полагать, кто-то позаботился, и в настоящее время их готовят за границей. Это пока все, что у нас есть, – он замолчал, потом протянул толстый пакет: – Тут для тебя есть кое-что. Посмотри.

– Что это? – спросил Зубровский, беря пакет.

– Только что получили со спутника.

Снимки были сделаны с высоты многих сотен километров, но их разрешающая способность была столь высока, что опытный взгляд разведчика сразу разглядел среди густой листвы множество людей в камуфляже.

Просмотрев снимки, майор посерьезнел. Какое-то время он молчал, постукивая незажженной сигаретой по столу.

– Похоже, это группа Красавчика, – продолжил каперанг. – Идут к Кунгурскому перевалу. На перевале их встретят. Но, полагаю, тебе стоило бы поприсутствовать. Не каждый день в горах встречаются банду, тем более, идущую с Имеретинского побережья. Посмотри там, может, наткнешься на что-то интересное. В общем, вертолет уже ждет.

Зубровский оставался недвижим, и было непонятно, как он отнесся к этому сообщению. Вряд ли оно его обрадовало,

подумал каперанг, глядя на майора. Кому понравится, если тебя постоянно отрывают от дела. Да и к тому же – вертолет! Каперанг знал, как майор относится к вертолетам.

Он и мертвый был красив.

Черные кучерявые волосы падали на высокий чистый лоб, щеки заросли двухнедельной щетиной, решительный подбородок резко выделялся вперед, и только тонкие губы сложились в удивленную, по-детски недоумевающую улыбку.

– Он на меня кинулся, – захлебываясь и еще не отойдя от горячки недавнего боя, бормотал рослый широкоплечий сержант Колотилин, у которого от страха автомат в руках ходуном ходил. – Ну, я и не стал дожидаться...

После напряжения боя людям хотелось курить. Огоньки папирос тлели в предрассветной темноте.

– Стрелял? – спросил командир спецотряда, маленький черноусый капитан Анискин.

– Я его хрясь по черепу, – Колотилин поводил круглыми, словно пьяными глазами, – стоит с-сука. Я опять – хрясь! Готов!

По растерянным лицам бойцов было видно, что многие до сих пор так и не поняли, какую веселую и жестокую шутку хотела сыграть с ними слепая судьба в лице этого теперь уже мертвого красавца, бросившегося на них с автоматом в руках. И не среагируй вовремя на его бросок Колотилин, еще неясно, сколько из них осталось бы лежать на этих камнях.

– Что орешь, дура? – строго сказал Анискин.

– Я не ору! – крикнул Колотилин.

Ему было жарко, и он скинул каску с головы. Вокруг них по обоим склонам каменистой ложбинки, полого спускающейся к Псоу, то густо, то поодиночке лежали убитые боевики. Молодые и старые, ловкие и неуклюжие, бородатые и безусые, с одной пулей в сердце и чуть ли не пополам разорванные автоматной очередью – как были они застигнуты густым автоматным и минометным огнем с крутого левого берега реки, так и лежали теперь зелеными кочками среди дымящихся воронок в серой предрассветной мгле. Восходящее солнце еще не пробилось сюда своими лучами, а лишь слегка коснулось вершин далеких гор, закутанных каждая в свое одеяние – от розового до фиолетового, и только царь гор Эльбрус облачился в пурпурную мантию.

– А почему не стрелял? – Анискин слегка дотронулся до трупа носком сапога.

– Да осечка, товарищ капитан, – виновато завозился с затвором Колотилин. – Песок в ствол попал...

– Должно быть, из задницы? – проворчал Анискин. Он чувствовал себя счастливым, видя, что все остались живы.

Наклонившись к трупу с явным намерением снять массивные золотые «ролекс», поблескивающие на волосатой руке чеченца, но, видимо, передумав в самую последнюю минуту, он сорвал травинку и сунул ее в рот.

– Обыскать, – покусывая травинку, капитан отвернулся в сторону.

Колотилин забросил автомат за спину и, придерживая его правой рукой, левой стал шарить в нагрудном кармане пятнистой куртки убитого.

— Глянь-ка, — с удивлением протянул он, рассматривая желтой кожи бумажник, извлеченный из кармана. — Кажись, это не чех...

— А кто? — поворачиваясь, недоуменно спросил капитан, продолжая жевать травинку.

— А хрен его знает, — ответил сержант. — Тут не по-нашему. Анискин быстрым движением руки выхватил у него бумажник.

— Петров, — негромко отдал он команду, в полной уверенности, что тот, кому надо, ее услышит.

— Я! — От толпы отделился длинный нескладный солдат в сползшей на левое ухо зеленой защитной каске и, зашвыривая автомат за плечо, подбежал к капитану.

— А ну-ка, — ухмыльнулся капитан, протягивая бумажник. — Ты у нас универ кончал, грамотный...

Некоторое время Петров молча изучал документы, нервно подергивая ремень то и дело сползающего с плеча автомата.

— А-а-а, — наконец протянул он, словно догадавшись.

— Бэ-э-э, — передразнил капитан. — Что написано?

В толпе сдержанно засмеялись.

— Это по-арабски, — Петров сконфузился. — Похоже на паспорт. Абу Джаба... Гражданин Ирака.

Капитан присвистнул, удивленно скосив глаза на убитого.

– А нехилую мы птицу срезали, а Петров? – выплюнув травинку, он довольно похлопал рядового по плечу. – Наемник? Араб?

Он протянул руку за бумажником, но Петров, увлекшись чтением, не спешил расставаться с документами.

– Тут еще схемка, – торопливо забормотал он, довольный всеобщим вниманием, – плотина какая-то... и календарик на 2014... 11 февраля обведено черной краской...

– Дай-ка, – ухватив за краешек, капитан нетерпеливо потянул на себя бумажник. – 11 февраля, 11 февраля, – в задумчивости, как бы что-то вспоминая, повторил он. – Ну и что 11 февраля? Открытие Олимпиады?

– Мой день рождения, – хрипло рассмеялся Колотилин, поправляя каску на голове.

– Отставить! – Анискин недовольно посмотрел на него. – Шутить будешь с девками!

Петров молча передал Анискину документы. Просмотрев их, Капитан сунул документы себе в карман, а остальные, пренебрежительно махнув рукой, бросил на землю. Затем решительно нагнулся и, сняв «ролекс» с руки убитого, стал сверять по ним время на своих часах.

– Приберитесь-ка здесь, – он указал на трупы, и в сопровождении двух бойцов пошел к реке.

Вооружившись саперными лопатками, бойцы приступили к копке братской могилы. Когда яма углубилась на полметра,

они по очереди за ноги стали таскать к ней мертвецов.

* * *

– Две новости, – с легким наклоном головы доложил Фанум, входя в кабинет Закаева. – Хорошая и плохая.

Эмиссар сидел на диване с рыжим котом на коленях. Увидев входящего секретаря, какое-то время молча смотрел на него.

– Давай плохую.

Остановившись возле дивана, помощник откашлялся.

– Только что звонил Умаров. Красавчик... он погиб.

– Что? – от неожиданности Закаев вскочил на ноги, сбросив кота на пол. – Это точно?

– Умаров сам был на месте, когда родственники забирали убитых.

– Как это произошло? – неприязненно посмотрев на помощника, эмиссар стал ходить по кабинету.

– Кадыровцы устроили засаду, – удрученно пробормотал помощник.

– А он не мог попасть к ним в лапы?

– Исключено. Умаров видел его труп.

Эмиссар сел, загремел четками.

– Достаточно полчаса, чтобы русская контрразведка выбила из него все детали операции, – сказал он после паузы. – Мы задумали большое важное дело – нельзя допустить сры-

ва из-за глупой случайности.

– Вы же сами называли его львом, – осторожно напомнил Фанум.

Закаев усмехнулся, погладив рыжую бородку.

– Даже лев станет зайцем, если им займутся специалисты. Остается только надеяться, что он мертв.

– Да-а-а, – помолчав, протянул Фанум. – Аллах примет его с радостью.

Какое-то время Закаев размышлял.

– Что теперь прикажешь делать? – после паузы обратился он к помощнику. – Инженеру позарез нужны чертежи. Где теперь их достать?

– Они больше не нужны, – спокойно ответил Фанум.

Эмиссар с недоверием посмотрел на помощника.

– Что ты сказал?

– Это и есть вторая новость, – пояснил помощник. – Хорошая. Немцу удалось решить проблему без чертежей. Эта его новая идея с гидравлическим ударом, похоже, вполне реальна. Вот посмотрите, – он протянул эмиссару лист бумаги.

Закаев взглянул на лист, где на схеме были указаны места установки взрывателей. Первичный взрыватель предлагалось установить в самом низу грузового лифта. Рядом – три дублирующих, а радиовзрыватель – на гребне плотины, примерно на равном расстоянии от каждого берега.

– Ну что ж, – эмиссар потрепал кота по загривку, – он знает, чем рискует. Но теперь у нас новая проблема. Вы, наде-

юсь, уже подумали о подрывнике? Учтите, от этого человека будет зависеть все...

Фанум был готов к этому вопросу.

– Такой человек есть, – быстро ответил он. На стол эмиссару легла кожаная папка. Видя, что шеф молчит и не спешит знакомиться с личным делом, лежащем в папке, он продолжил: – Мастер спорта по биатлону. Физкультурный институт в Смоленске, затем шестимесячные курсы в Саудовской Аравии. Отлично стреляет, бегает, работает с ножом. Знает русский, арабский, английский...

– Прямо Джеймс Бонд какой-то, – недоверчиво усмехнулся Закаев. – Где он? Тащите его сюда...

Фанум улыбнулся с заговорщицким видом, и эмиссар понял – сейчас будет сюрприз:

– Минутку...

Помощник подошел к двери, открыл ее и сказал:

– Входите!

Она вошла из темного коридора на середину светлой комнаты, встала рядом с Фанумом и принялась по-женски осматриваться вокруг.

Когда трупы боевиков были уже почти засыпаны землей, вдали над перевалом раздался ровный гул мотора, и вскоре там показалась темная точка. При приближении к ущелью она обрела силуэт сначала гигантского зеленого кузнечика, а потом – вертолета.

– Кого это черт несет? – недовольно пробурчал Анискин, который сидел на поваленном бревне возле разожженного костра, время от времени поворачивая шампуры с нанизанными на них кусками баранины. Рядом на поленнице дров расположился сержант Колотилин.

Через минуту, вздувая пыль и клочья рыжей травы, Ми-8 приземлился в двадцати метрах от костра. Дверь кабины открылась, и оттуда выпрыгнул высокий стройный офицер в полевой форме с погонами майора. Придерживая на ходу летающую с головы фуражку, он подошел к сидевшим возле костра.

– Майор Зубровский, – обратился он к Анискину, и протянул свое удостоверение.

Не поднимаясь с бревна, Анискин просмотрел корочки и вернул майору.

– Чем могу служить?

– Если не возражаете, хотелось бы взглянуть на трофеи.

– Да что тут смотреть, – Анискин махнул рукой в сторону

братской могилы. — Колотилин, покажи...

Нагнувшись, Колотилин достал документы из лежащей на земле сумки и, отдав их майору, снова уселся на поленницу.

— Я могу их забрать? — просмотрев бумаги, сказал майор.

Анискин, не отрывая взгляда от шампуров, махнул рукой, показывая, что занят более важным делом.

— Конечно.

Майор тщательно уложил бумаги в полевую сумку, но уходить не спешил.

— Больше ничего интересного? — спросил он.

— Они с собой лишних бумаг не носят, — капитан повернул шампур с истекающими жиром кусками баранины. — Только лишняя тяжесть...

Кивнув, майор указал на разбросанные по земле бумаги. Часть из них была изорвана, другие полузасыпаны землей.

— А это что?

— А-а-а... это, — вяло откликнулся Анискин, — они им уже не пригодятся. Только задницу подтирать... — Он рассмеялся, и к его смеху присоединились стоящие возле костра бойцы. — Мы их уже просмотрели — ничего интересного... Угощайтесь, товарищ майор, — достав из огня шампур с аппетитно дымящейся бараниной, он протянул его майору.

— Спасибо, — вежливо отказался Зубровский, наклоняясь к яме. Казалось, он не разделял всеобщего веселья. — Я посмотрю тут с вашего разрешения.

— Да, пожалуйста, — недовольный отказом гостя, капитан

отвернулся к костру. — Смотрите сколько влезет, а мы тут немного посидим, — и в сопровождении своих бойцов приступил к поглощению шашлыка.

* * *

Закаев замер. Он не ожидал увидеть женщину, тем более такую красавицу. Зеленые миндалевидные глаза, тонкие ноздри маленького с небольшой изящной горбинкой носа. Расчесанные на пробор иссиня-черные волосы мягкими волнами ложились на плечи и белое лицо. Внешне она никак не походила на шахидку. Скорее казалась яркой моделью с обложки модного журнала.

На вид ей было лет двадцать пять — тридцать. Но, несмотря на то, что она была изящной и довольно хрупкой на вид, выражение ее глаз и манера держаться создавали впечатление силы. Две глубокие морщины на переносице придавали характерное выражение ее лицу, свидетельствуя, что обладательница этих морщин перенесла в жизни немало невзгод.

Эмиссар смотрел на нее, не скрывая удивления.

Маленькие глазки Фанума быстро скользнули по лицу шефа. Губы его раздвинулись в довольной усмешке. Он, конечно, ожидал, что молодая женщина произведет на хозяина впечатление, но чтобы такое...

Закаев, откровенно пораженный, непроизвольно поправил галстук, его пальцы рванулись к рыжим волосам, а губы

растянулись в улыбке, обнажив большие белые зубы...

– Здравствуйте, – поколебавшись секунду, он встал. В глазах его появился какой-то стеклянный блеск.

– Фатима Мадаева, – представил ее Фанум, его улыбка стала шире. – Шахидка, спортсменка и просто красавица...

Не реагируя на его шутку, девушка быстро обвела обоих мужчин глазами и села на стул рядом с эмиссаром.

– Я вкратце изложил задание, – сказал Фанум, слегка наклонившись к ней. – Она считает, что справится.

Девушка нахмурилась, и ее атласный лобик пересекли две темные морщинки.

– Справится? – переспросил Закаев, пристально глядя на нее. – А она понимает, на что идет?

– Конечно, – отрывистым голосом сказала девушка. – Аллах выбрал меня в качестве своего меча.

– Аллах выбирает для своих дел достойных, – задумчиво сказал Закаев, подойдя к ней. – Но вы понимаете, что идете на смерть?

– Да, кади. – Выражение ее лица был одновременно печально, грустно и решительно. – Если Аллаху угодно, я готова.

Закаев одобрительно кивнул.

– Очень ответственное решение.

– Моего мужа убили, – в глазах девушки что-то блеснуло, и в звуках ее голоса зазвучала такая ненависть, что у Закаева похолодело между лопатками. – Отомстить, кроме меня,

некому.

– Похвально.

– Я ненавижу их, – еле слышно прошептала девушка, и Фануму показалось, что она даже заскрипела зубами. – Мы никогда не сможем стать такими, как они, они никогда не поймут нас. Победит тот, кто окажется сильнее. У них сильнее оружие, значит, мы должны доказать, что сильнее духом.

Шейх вновь кивнул.

– Достойные слова истинно уверовавшего. Аллах да благословит вас!

* * *

Прямо из вертолета Зубровский, воспользовавшись мобильным Интернетом, отправил копии полученных документов Болховитинову. Пока возился со сканером, вставляя в прибор снимки, попросил пилота соединить его с каперангом по рации.

– Похоже, здесь действительно что-то назревает, – сказал он, когда пилот сообщил, что связь налажена.

Микрофон молчал, и Зубровскому было непонятно, слышит ли его Болховитинов.

– Как там мои снимки? – переспросил майор. – Прошли?

– Только что получил, – ответил Болховитинов. Его голос звучал глухо и неясно. – Сейчас просматриваю...

– И что скажете? – майору не терпелось услышать его мне-

ние.

– Как я понял, ты теперь пришел к выводу, что объектом нападения будет Мзымтинская ГЭС. Тогда скажи, как они планируют это сделать? – в трубке раздался странный булькающий звук, похоже, каперанг ухмыльнулся. – Разве что с самолета? Но ведь это уже было, помнится, лет десять назад в Америке. Теперь мы начеку.

– А вам не приходила в голову мысль, что заряды можно заложить в конструкцию заранее? – ответил Андрей.

Трубка минуту молчала.

– Что ты имеешь в виду? Вряд ли им удастся пронести на плотину хотя бы грамм взрывчатки. Я знаю, какой там контроль...

– Им и не надо этого делать, если взрывчатку загрузить в бетон под видом гранита или цемента... – возразил Андрей. – Ее можно заложить и в арматуру. А бетон на плотину возили со всего черноморского побережья.

С минуту Болховитинов размышлял.

– Слушай, – голос каперанга изменился, стал официальным. – Я должен передать твои сведения по команде. Думаю, генералу будет небезынтересно взглянуть на то, что ты прислал.

– Так в чем дело? – спросил Андрей.

– В тебе. Когда сможешь появиться?

Андрей посмотрел на часы. Час дня... До Сочи два часа лета.

- К четверем, если вышлете машину на аэродром.
- Договорились, – каперанг разорвал связь.

– Да-а-а, – задумчиво протянул эmissар, когда девушка вышла. – Красивая...

– Поэтому и выбрали, – быстро ответил помощник. – Такой красавице будет легче пройти через все препоны. Вряд ли у кого поднимется на нее рука.

– Да, только не рука... – ухмыльнулся Закаев. – Будем надеяться, что мужики в России еще не перевелись, – он задумчиво покивал головой. – Где вы ее нашли? Мне показалось, у нее светлые глаза... Обычно, такие бывают у детей из смешанных браков.

– Вы правы, – Фанум наклонил голову. – Она наполовину русская.

– Вот как? – заинтересованно переспросил Закаев.

– По матери, – объяснил помощник. – Отец – чистокровный чеченец. Когда ей было три года, развелся с женой и забрал дочку к себе. Она до сих пор не знает об этом.

Наклонившись к дивану, эmissар задумчиво провел рукой по спине спящего кота.

– Что ж, может, это, и к лучшему. В общем, вам виднее. Но учтите, если сорвется, ответите за все сразу – и за нее, и за Красавчика.

Фанум посмотрел на шефа, собираясь что-то сказать в свое оправдание, но тот уже повернулся к коту, давая понять,

что разговор окончен.

* * *

Несмотря на отличную погоду, пилот вертолета предпочел лететь высоко над горами, и Андрей опоздал на встречу с начальником ШтабБОЛа генерал-лейтенантом Максимом Петровичем Козолуповым на четверть часа.

– Заставляете себя ждать, – с явным неудовольствием сказал ему генерал.

С сигаретой во рту он сидел в кресле за огромным полированным столом.

Это был наголо бритый человек среднего роста, крепкого сложения с широкими плечами и коротко подстриженными седыми волосами. У него были узкие тонкие губы и бледно-голубые глаза с холодным стальным блеском. Сразу было видно, что это генерал, к тому же из ФСБ.

Рядом расположился Болховитинов, который кивком головы указал Андрею на свободное кресло с краю стола.

– Мне сказали, что вы обнаружили что-то новенькое, – сухо сказал Козолупов, пыхнув дымом сигареты.

Не вдаваясь в подробности, майор изложил информацию, полученную им на горном перевале.

Козолупов слушал, не перебивая, только время от времени подносил сигарету ко рту, затягивался и выпускал клубы дыма.

– Первое, что я хочу знать, – мрачно кивнул он, когда Андрей закончил, – где гарантия, что это не деза?

Майор знал, что Козолупов был человеком, который привык доверять только тем фактам, в достоверности которых убедился собственными глазами. Эта черта его характера была ему по душе. Он слышал, что несколькими аналитикам Штаба пришлось расстаться со своими престижными должностями из-за того, что они основывали свои доводы на отдельных непроверенных сообщениях. Козолупов считал, что информация должна быть получена из различных источников и тщательно перепроверена.

Но Андрей, конечно, не мог знать, что сейчас для генерала наиболее важной была информация о том, что в Москве крайне недовольны просьбой генерала расширить штаты. Генерал уже сам пожалел, что поднял этот вопрос.

Зубровский пожал плечами.

– Гарантии дает только Господь Бог, – сухо сказал он.

– Товарищи, – вмешался Болховитинов, – вряд ли мы сможем установить это, сидя в кабинете.

– И все-таки? – настаивал Козолупов.

– Я отвергаю возможность дезинформации по нескольким причинам, – Андрей для убедительности понизил тембр голоса. – Во-первых, она получена из разных источников. Во-вторых, посмотрите вот это.

– Ну и что здесь такого? – генерал бросил пачку фотографий на стол.

– Смотрите внимательнее, товарищ генерал, – сухо сказал майор. Он сидел за столом напротив Болховитинова. – Это мне удалось обнаружить у убитого арабского террориста.

– Боюсь, они не представляют для нас ничего нового, – снова отмахнулся генерал. – Ну, план Сочи, олимпийский комплекс, различные объекты... Да такие картинки можно найти даже в Интернете. Любопытно, конечно, но при чем здесь мы?

Андрей взял пачку со стола и быстро вытащил одну из фотографий.

– Вы, кажется, инженер, полковник, – он повернулся к помощнику генерала, полковнику Казимиру, который сидел сбоку от генеральского стола. Полковник с круглым загорелым лицом и коротко подстриженными усиками, как успел заметить Андрей, носил на погонах два скрещенных монтажных ключа и был достаточно сообразителен, чтобы не произнести до сих пор ни слова. – Тогда вы, может быть, подскажите нам, что за конструкция запечатлена на этом снимке?

Казимир с интересом посмотрел на фотографию поверх очков, почесал мочку уха.

– Мзымтинская ГЭС, полагаю.

Козолупов резко повернулся к нему:

– Откуда ты знаешь? Они же все по типовому проекту, одинаковые.

– Я там бывал, – заметил Казимир, вглядываясь в фото-

графию. – Вот это – вершина Аипхо.

Козолупов полез в верхний ящик своего стола и вытащил двухдюймовую лупу. Внимательно изучил снимок, затем отложил его в сторону.

– Да, кажется, Аипхо, – нехотя согласился он. – Но зачем чеченцам фото плотины?

– Вот и я думаю – зачем? – с легкой иронией согласился Андрей.

Генерал повернулся к Казимиру.

– Проверьте, кто выпустил эти проспекты?

– Сейчас выясним, товарищ генерал, – полковник встал и вышел из комнаты.

Генерал вновь наклонился к снимку.

– Я почти поверил майору, – добавил Болховитинов.

– Ну, допустим, – генерал выпустил клуб дыма. – Допустим, что чеченцы решились на подрыв плотины. Я, конечно, не верю в это, но предположим, – Козолупов вытащил сигарету изо рта и положил ее на край хрустальной пепельницы. – Поговорим о мерах противодействия.

Его сухость и отсутствие энтузиазма насторожили майора. Станет ли генерал брать на себя ответственность? Для него это лишняя забота. Андрей знал, что за все происходящее в Сочи отвечает помимо ШтабБОЛа также ФСБ, МВД, СКП, и даже ФСО. ШтабБОЛу выгодно наблюдать за развитием ситуации со стороны, не вмешиваясь до поры до времени. Если ситуация повернется в неблагоприятную сторону – они

не причем, если удастся предотвратить ее – всегда можно приписать часть заслуг себе.

– Так что вы предлагаете? – генерал повернулся к майору.

– Во-первых, – быстро ответил Андрей, – обследовать все гидроузлы на предмет обнаружения подозрительных предметов. Во-вторых – ужесточить доступ на объекты. В-третьих – проверить всех работников, особенно иностранных, установить на ГЭС пропускной режим повышенного контроля, внедрить систему видеонаблюдения и оповещения. Пока все.

Козолупов заколебался.

– Вы не представляете, сколько это поднимет шума. А сколько работы... Там одних помещений около тысячи, сотни рабочих. Проверить всех – нереально, не ставить же все на уши, – он прошелся по комнате. – Боюсь, это не по нашей части. Зря ты меня потревожил, – повернулся он к Болховитинову. – Я не вижу тут задач для себя. Сооружения гражданского назначения – это скорее по части МВД.

– Какое значение имеет ведомственная принадлежность? – резко спросил Андрей. – Главное – предотвратить взрыв. Вы же понимаете, чем это грозит?

– Вся эта чепуха о возможных терактах не стоит выеденного яйца, – уверенным голосом сказал Козолупов. – ГЭС им не по зубам. Вы даже не представляете, сколько нами принято мер. Мы что, пустое место? Зря здесь штаны просиживаем?

– Не думаю, что террористы косяком пойдут в расставленные вами сети, – возразил Андрей. – Здесь нужна тщательная и большая работа.

– Давайте, не будем заходить так далеко, – видя, что разговор уходит в эмоциональное русло, вмешался Болховитинов. – Подождем получения новых данных. Куда ты сейчас? – обратился он к Андрею.

– В гостиницу, если не возражаете...

Дверь открылась, и вошел Казимир.

– Проспекты официально выпущены Русгидро, – доложил он, обращаясь к генералу, – генподрядчиком на строительстве ГЭС.

Козолупов повернулся к Болховитинову.

– Ну вот видишь, я так и знал. Не ставить же на уши органы из-за каких-то рекламных проспектов?

Он поднялся и протянул руку майору.

– Спасибо за информацию... И не будем при каждом взрыве петарды думать о новом Буйнакске.

Она родилась в самое страшное время второй половины двадцатого века и в самом грозном городе на земле с соответствующим именем. Родиться на Кавказе и не быть вовлеченной в вечный конфликт между мусульманами и христианами? С раннего детства она привыкла к бесконечным похоронным процессиям, следующим за обтянутыми в зеленую ткань гробами под исступленные крики женщин, завернутых в черные одежды. Но ей повезло – братьев у нее не было, а отец, казалось, не имел никакого отношения к сопротивлению. Когда выросла, поступила в институт. Отдыхая с подругами в Сочи, она как-то на пляже встретила Магомеда. Ради Мага, как друзья называли его, она была готова на все. Они обручились, переехали в Кызыл-Юрт, на родину Мага, и короткое время были счастливы. Приняв ислам, она отдалась от бывших друзей, беззаветно отдавшись мужу. Она была тогда молода, и эта появившаяся впоследствии морщина на лбу была еще едва различима, словно только намечалось место, где позднее залегла складка.

Все произошло во время очередной зачистки, когда из домов забирали мужчин, а на окраине села трескали автоматные очереди. Вошли двое. «Где муж?» – спросил один из них. Магомед успел спрятаться под топчаном в соседней комнате. Все время она думала только о нем, не войдут ли

они туда. «Муж уехал». Успел ли он залезть в узкое пространство между топчаном и стеной и прикрыться матрасом? Второй из вошедших был сержант. Они смотрели на нее своими маленькими глазками, шарили по комнате: «Водка есть?» В окне между рамами стояли два литра чачи. Они выпили литр, сержант ушел. А тот, который остался, потребовал, что ему нужно. «Я беременна», – защищаясь, сказала она. «Пойдет», – ухмыльнулся тот. Он торопился, она старалась стонать как можно тише, чтобы муж под матрасом в соседней комнате не услышал. Но тут появился второй. И ему было нужно то же самое... Ей стало невыносимо больно, и она не сдержала стон. И муж услышал.

По мусульманским обычаям его хоронили в тот же день. Не придя еще окончательно в себя после всего происшедшего, она молча шла за черной машиной, не сводя глаз с покрытого зеленым флагом гроба. И только когда засыпали могилу, с ужасом осознала, что навсегда осталась одна. Отныне ей предстоит жить без него.

Она пролежала в горячке несколько дней, а когда очнулась, обнаружила, что ее еще не родившийся ребенок исчез. Врачи объяснили, что сделали это, опасаясь за ее жизнь. Она думала, что сойдет с ума. Сердце разрывалось от горя. Зачем она осталась жить? Для чего? Только мучиться и мучить других? Почувяв неладное, родственники не оставляли ее ни на минуту. Но ей удалось обмануть их. С сильнейшим отравлением ее доставили в больницу. Там оказалась в одной па-

лате с такими же женщинами, как она. Их называли черными вдовами. Они-то и подсказали, как быстрее всего соединиться с самым близким ей человеком. Она приняла решение. Ей больше ничего не нужно в этой жизни, кроме мщения. Когда жизнь так исковеркана, все остальное не имело ни значения, ни смысла...

Ее отправили в учебный лагерь, затерянный в горах Кандагара, и через полгода она вышла оттуда высокочлассным специалистом для партизанских действий. Она показала себя лучшей ученицей, стала отличным снайпером, изучила радиодело, способы выживания в горах. Ее руки окрепли, а дух закалился в изнурительных тренировках, слезы высохли, и только ненависть все еще переполняла сердце. Даже теперь, спустя два бесконечных года, она, лежа в темноте и закрывая глаза, как наяву видела перед собой лицо мужа. С его фотографией она не расставалась ни на минуту. Муж – в черном национальном костюме, бурке с газырями, в фуражке, был запечатлен на фоне родных гор, глаза тонут в глубокой тени огромного козырька.

Необходимость ждать начала операции тяготила ее. Она не покидала гостиницу, сидя на кровати и в который раз перебирая вещи. Кажется, все готово – дорожные вещи упакованы в сумку, взрыватель хитроумно размещен в мобильнике под симкартой.

Вскрыв мобильник, она вставила плату взрывателя в отведенное для нее гнездо, пальцы при этом ощутили легкий

щелчок. Сработал фиксатор.

Она снова вынула детонатор, подчиняясь непреложному правилу – держать детонатор и заряд отдельно.

С особой осторожностью нажала на кнопку с цифрой «2», и экран будто налился кровью, засветился. А теперь поаккуратнее... Потому что если нажмешь цифру «3» – пойдет отсчет времени на таймере. Не нужны ни бикфордов шнур, ни провод...

* * *

По дороге к вертолетной площадке Болховитинов и Зубровский молчали. Ни тот, ни другой не смотрели друг на друга. Каперанг с задумчивым видом курил сигарету. На площадке стоял небольшой вертолет, вокруг которого сустились механики. Поднявшись по ступенькам в железное нутро вертолета, каперанг молча уселся в кресло. Летчик повернулся к нему, ожидая команды на запуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.